

Диана Винн Джонс

Миры Крестоманси

Миры Крестоманси

Диана Джонс

Ведьмина неделя

«Азбука-Аттикус»

1982

Джонс Д. У.

Ведьмина неделя / Д. У. Джонс — «Азбука-Аттикус»,
1982 — (Миры Крестоманси)

ISBN 978-5-389-06522-2

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько ярки, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах. Этот мир во всем похож на наш, только там гораздо больше волшебства и за колдовство отправляют на костер. Но вот приближается Хеллоуин – самое волшебное время в году, и в школе-интернате, где учатся дети сожженных и арестованных ведьм и колдунов, начинают происходить странные, а потом и зловещие события. Выясняется, что кто-то во втором «игрек» – колдун. Школу лихорадит, вот-вот появится страшный инквизитор, а дети – некрасивая застенчивая Нэн, затюканный одноклассниками Брайан, скрытный Чарлз, умница Нирупам – один за другим обнаруживают, что не колдовать у них просто не получается. И все это неминуемо должно кончиться очень плохо, однако детям удастся раздобыть старинное, но, говорят, очень мощное заклинание – «Крестоманси»...

ISBN 978-5-389-06522-2

© Джонс Д. У., 1982
© Азбука-Аттикус, 1982

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Диана Джонс

Ведьмина неделя

© А. Бродоцкая, перевод, 2013

© И. Баранов, иллюстрации, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

В записке говорилось:

КОЕ-КТО В ЭТОМ КЛАССЕ КОЛДУЕТ.

Записка, нацарапанная печатными буквами обычной синей шариковой ручкой, обнаружилась в стопке тетрадей, которые проверял мистер Крестли, ее мог написать кто угодно. Мистер Крестли взглянул поверх опущенных голов второго «игрек». Было совершенно непонятно, что делать.

Мистер Крестли решил не докладывать директорше: возможно, это просто глупая шутка, а у мисс Кэadwalладер чувства юмора, считай, вовсе нет. А вот кому стоит сообщить – так это мистеру Уэнтворту, завучу. Но главная беда в том, что во втором «игрек» учится сын мистера Уэнтворта: вон тот худенький мальчик на задней парте, с виду моложе сверстников, и есть Брайан Уэнтворт. Нет уж. Мистер Крестли подумал, что лучше просто попросить того, кто написал записку, явиться с повинной. Тогда можно будет, объяснив несмышленишу, что нельзя бросаться столь серьезными обвинениями, отпустить проказника на все четыре стороны мучиться угрызениями совести.

Мистер Крестли откашлялся, собираясь заговорить. Второй «игрек» с надеждой поднял головы, но мистер Крестли уже передумал. Был «час дневника», а «час дневника» – время настолько важное, что отвлекать детей разрешается только в самом чрезвычайном случае. С этим в Ларвуд-Хаус было очень строго.

В государственной школе-интернате Ларвуд-Хаус, вообще-то, очень строго было почти со всем, потому что там учились сироты из семей колдунов, ведьм и вообще трудные дети. Дневники придумали для того, чтобы помочь им справиться со своими трудностями. Предполагалось, что дневник – дело сугубо личное. Ежедневно полчаса отводилось на то, чтобы все до единого ученики поверяли дневнику самые сокровенные мысли и чувства, жизнь на это время замирала. Мистер Крестли был просто в восторге от такой педагогической находки.

Но на самом деле мистер Крестли передумал говорить вовсе не из уважения к дневникам – его посетила кошмарная мысль: а что, если в записке – чистая правда? Во втором «игрек» запросто мог оказаться колдун. Кто именно во втором «игрек» сирота из семьи колдунов, знает только мисс Кэдвалладер, но мистер Крестли подозревал, что их там немало. Другие классы преисполняли мистера Крестли гордостью за ремесло педагога, работать с ними было сущим наслаждением! Второй «игрек» никого ничем не преисполнял. Гордиться в нем можно было только двумя учениками: Терезой Муллетт и Саймоном Силверсоном – это были действительно образцовые ученики. Девочки отчаянно старались поспеть за Терезой, а где-то в хвосте плелись пустышки и болтушки наподобие Эстель Грин или, наоборот, этой вечно кислой Нэн Пилигрим – вот уж действительно странная барышня... Мальчики разбились на компании. Некоторые пытались следовать примеру Саймона Силверсона, многие держались возле хулигана Дэна Смита, а кто-то дружил с этим высоким индийцем – Нирупамом Сингхом. Были и одиночки: Брайан Уэнтворт, например, или Чарлз Морган, на редкость неприятный мальчишка.

Тут мистер Крестли посмотрел на Чарлза Моргана, а Чарлз Морган ответил ему своим знаменитым взглядом – пустым и гнусным. Чарлз носил очки с сильными линзами, отчего гнусный взгляд становился еще гнуснее, и сейчас он вонзился в мистера Крестли, словно двойной лазер. Мистер Крестли поспешно отвел глаза и вернулся к тревожным думам о записке. Второй «игрек» оставил надежды на то, что случится что-нибудь интересненькое, и со вздохом вернулся к дневникам.

28 октября 1981 г., – писала Тереза Муллетт округлым ангельским почерком. – М-р Крестли нашел в наших тетрадках какую-то записку. Сначала я подумала, что она, скорее всего, от мисс Ходж, ведь все знают, что Пух умирает от любви к ней, но потом он так разнервничался, что я думаю, это от какой-нибудь дуручки вроде Эстель Грин. Нэн Пилигрим сегодня на физкультуре опять не смогла перепрыгнуть через коня. Прыгнула и уселась на него. Мы все смеялись.

Саймон Силверсон писал:

28.10.81. Интересно, кто подсунул записку в наши тетради по географии? Когда я их собирал, бумажка выпала, но я положил ее обратно. Если бы ее нашли на полу, нас бы всех наказали. Разумеется, это совершенно секретная информация.

Вот уж не знаю, – задумчиво выводил Нирупам Сингх, – как это другие умудряются столько писать в дневниках, ведь ежу понятно, что мисс Кэдвалладер на выходных их читает. Я вот никогда не пишу свои тайные мысли. А теперь я расскажу про индийский фокус с веревочкой, который я видел в Индии, когда папа еще не переехал в Англию...

Через две парты от Нирупамы Дэн Смит основательно пожевал колпачок ручки – и наконец нацарапал:

Ну, вообще чево писать тайные чувства когда велят? вообще никакой радости и нипатна чаво писать. Тогда они вообщето и нетайные палучаюца.

Кажется, – писала Эстель Грин, – сегодня у меня не было никаких тайных мыслей, только страшно интересно, что там, в записке от мисс Ходж, которую Пух только что нашел. Наверное, она его отвергла!

На задней парте Брайан Уэнтворт, вздыхая, выводил:

Беда в том, что мне никак не приспособиться к расписанию. На географии я придумал, как поехать из Лондона в Багдад через Париж. На следующем уроке подумаю, как туда добраться через Берлин...

Между тем каракули Нэн Пилигрим гласили:

Тому, кто читает наши дневники. Это мисс Кэдвалладер? Или мисс Кэдвалладер заставляет мистера Уэнтворта?

Нэн устала на написанное, ошеломленная собственной отвагой. Такое с ней иногда случалось. Ладно, подумала она, дневников в школе сотни, и в них сотни записей. Шансов, что мисс Кэдвалладер прочтет именно эту, очень мало, особенно если постараться и дальше написать что-нибудь поскучнее.

Буду писать скучное, – продолжала она. – Пуха Крестли на самом деле зовут Харалд, но его прозвали Пухом из-за гимна, который начинается «Крест ли мой с радостью несть». Ну конечно, все поют «Крестли – веселый медведь». Мистер Крестли действительно веселый. Он думает, что все должны быть бодрыми, честными, благородными и любить географию. Мне его жалко...

Но по-настоящему скучно вел дневник только Чарлз Морган. Вот что он записал:

Я проснулся. За завтраком было жарко. Не люблю овсянку. Вторым уроком был труд, но недолго. Кажется, следующий шахматы...

Тут уж, конечно, можно подумать, что Чарлз или совсем тупой, или все путает, или и то и другое. Любой ученик из второго «игрек» скажет, что утро выдалось холодное, а на завтрак дали кукурузные хлопья. Вторым уроком была физкультура, тогда-то Нэн Пилигрим и насмешила Терезу Муллетт, не сумев прыгнуть через коня, а следующим будет музыка, а вовсе не шахматы. Только Чарлз писал совсем не о распорядке дня: он действительно описывал свои тайные мысли, но зашифровал их личным шифром, которого не знал никто!

Все его записи начинались со слов «Я проснулся». Это значило: «Ненавижу эту школу!» Когда он написал, что не любит овсянку, это была истинная правда, только слово «овсянка» означало Саймона Силверсона. Саймон был овсянкой на завтрак, картошкой на обед и хлебом к чаю. У всех врагов Чарлза были свои обозначения. Дэн Смит – кукурузные хлопья, капуста и масло. Тереза Муллетт – молоко.

А вот слова «было жарко» вообще не имели отношения к школе: Чарлз имел в виду, что за завтраком он вспомнил, как жгли колдуна. Сколько бы он ни старался забыть об этом, страшная картина вставала у него перед глазами, стоило хоть чуточку отвлечься. Чарлз был тогда совсем маленький, еще в прогулочной коляске. Коляску везла старшая сестра Бернадина, мама отошла чего-то купить, а они переходили дорогу, с которой было видно Рыночную площадь. Там что-то вспыхивало и толпились люди. Бернадина остановила коляску посреди улицы, чтобы поглазеть. Они с Чарлзом увидели, как поджигают костер, самого колдуна тоже увидели – это был высокий толстяк. Тут налетела мама и потащила Бернадину прочь по улице.

– Нельзя смотреть на колдунов! – сказала мама. – Хорошие люди такого не делают!

Чарлз успел увидеть колдуна только мельком, но запомнил накрепко. А вот Бернадина, к его удивлению, начисто забыла. Поэтому на самом деле в дневнике говорилось, что во время

завтрака он опять вспомнил колдуна, но снова забыл про него, обнаружив, что Саймон Силверсон слопал все гренки.

Написав, что вторым уроком был труд, Чарлз имел в виду, что потом он подумал и про ведьму, а про ведьму Чарлз думал редко. «Трудом» называлось все приятное. Урок труда был раз в неделю, и Чарлз выбрал это слово для шифра, потому что ничего приятного в Ларвуд-Хаус чаще чем раз в неделю случиться не могло. Вспоминать про ведьму Чарлзу нравилось: она была совсем молоденькая и довольно симпатичная, хотя растрепанная и в драной юбке. Она перелезла через ограду в дальнем конце сада и захромала по камням к лужайке, держа нарядные туфли в руке. Чарлзу тогда было девять, и он на лужайке присматривал за младшим братишкой. Ведьме повезло: родителей дома не было.

Чарлз сразу понял, что она ведьма. Она совсем запыхалась и была страшно перепугана. У соседних домов слышались крики и полицейские свистки. Да и кто, кроме ведьмы, будет бегать от полиции среди бела дня и в узкой драной юбке? Но на всякий случай он решил в этом удостовериться.

– Чего это вы прячетесь в нашем саду? – спросил он.

Ведьма в отчаянии запрыгала на одной ноге. На другой у нее была большая мозоль, а чулки были все в дырах и стрелках.

– Я ведьма! – выпалила она. – Мальчик, миленький, помоги мне, пожалуйста!

– А вы наколдуйте что-нибудь, – посоветовал Чарлз.

– Я со страху не могу ничего! – пискнула ведьма. – Пробовала – все наперекосяк выходит! Мальчик, миленький, пожалуйста, можно мне выйти через дом на улицу? Только никому не рассказывай! Я сделаю так, что тебе всю жизнь будет везти! Честное слово!

Чарлз посмотрел на нее тем пристальным взглядом, который почти всем казался пустым и гнусным. Он видел, что она говорит правду. И еще он видел, что она правильно истолковала его взгляд, а на это мало кто способен.

– Через кухню, – распорядился он. И провел ведьму в рваных чулках через кухню и прихожую к парадной двери.

– Спасибо! – шепнула она. – Ты просто лапочка. – Она улыбнулась ему, поправила прическу перед большим зеркалом и что-то сотворила с юбкой – наверное, что-то волшебное, потому что юбка на вид сделалась словно бы и не рваной – а потом нагнулась и поцеловала Чарлза. – Если выберусь – принесу тебе счастье! – сказала она, надела нарядные туфли и пошла через садик к калитке, изо всех сил стараясь не хромать. У калитки она обернулась, махнула рукой и улыбнулась Чарлзу.

На этом кончалась та часть истории, которая Чарлзу нравилась. Именно поэтому он добавил «но недолго». С тех пор он ведьму не видел и не знал, что с ней было дальше. Братишке он велел никому не говорить о ней ни слова – Грэм послушался, потому что он всегда делал то, что велел Чарлз, – и стал ждать от нее весточки или хоть каких-то признаков везения. Ни того ни другого он не дождался...

Узнать, что же случилось с ведьмой, было совершенно невозможно, потому что с тех пор, как сожгли того, первого колдуна, приняли новые законы. Публично больше не сжигали. Казнили теперь только за стенами тюрем, а по радио просто говорили: «Сегодня в Хэллоуэйской тюрьме сожжены две ведьмы». Каждый раз, услышав подобное объявление, Чарлз думал, что это была *его* ведьма. И тогда внутри начинало тупо и гадко болеть. Он вспоминал, как она его поцеловала, – а ведь если тебя поцелует ведьма, то сам станешь колдуном.

Ждать везения он скоро бросил. Если судить по количеству свалившегося на него невезения, ведьму схватили, едва она шагнула за калитку. Тупая гадкая боль после каждого объявления не давала ему слушаться родителей. На все их требования он отвечал только *взглядами*. И каждый раз, когда *глядел*, он понимал, что родители считают его плохим, непослушным и вредным. Они не понимали его взгляд так, как поняла его ведьма. А поскольку маленький Грэм

повторял все, что делал Чарлз, очень скоро родители решили, что Чарлз проблемный ребенок и сбивает Грэма с пути истинного. И они устроили Чарлза в Ларвуд-Хаус, потому что это было совсем близко от дома.

«Шахматы» означали «невезение». Чарлз, как и весь второй «игрек», видел, что мистер Крестли нашел записку. Он не знал, что там написано, но, поймав взгляд мистера Крестли, сразу понял, что дело пахнет невезением.

Мистер Крестли еще не придумал, что делать с запиской. Если это правда, то в школу вот-вот нагрянут инквизиторы! Даже подумать об этом было страшно... Мистер Крестли со вздохом сунул записку в карман.

– Хорошо, – сказал он. – Закройте дневники и стройтесь на урок музыки.

Второй «игрек» поплелся в актовыв зал, а мистер Крестли заторопился в учительскую – вдруг кто-нибудь даст дельный совет, как поступить с запиской?

Ему повезло: в учительской была мисс Ходж. Как верно подметили Тереза Муллетт и Эстель Грин, мистер Крестли был влюблен в мисс Ходж. Но разумеется, он никогда и ничем этого не выдавал. Вероятно, во всей школе об этой страшной тайне не подозревала только сама мисс Ходж. Мисс Ходж была маленькая и аккуратненькая, она носила аккуратненькие серенькие блузки и юбки, а прическа у нее была даже аккуратней и прилизанней, чем у Терезы Муллетт. Мисс Ходж раскладывала книги на столе в аккуратненькие стопочки и не прервала этого занятия, пока мистер Крестли срывающимся голосом не рассказал ей про записку. Тогда мисс Ходж удостоила записку беглым взглядом.

– Нет, не знаю, кто это написал. – Она покачала головой и снова взялась за книги.

– Но что мне делать? – взмолился мистер Крестли. – Даже если это правда, сколько же злобы в этом ребенке! А вдруг все правда? Вдруг кто-то из них... – На него было больно смотреть. Ему страшно хотелось, чтобы мисс Ходж хотя бы голову подняла, но ведь слова вроде «колдун» или «ведьма» при дамах не произносят! – Не хочу произносить это слово при даме...

– Меня с детства приучили с состраданием относиться к ведьмам и колдунам, – ровным тоном заметила мисс Ходж.

– О, и меня тоже! Нас всех так воспитали, – поспешно оправдался мистер Крестли, – просто я не знаю, как поступить...

Мисс Ходж подровняла очередную стопку.

– Скорее всего, это просто глупая шутка, – сказала она. – Не обращайтесь внимания. Разве вам не пора на урок в четвертом «икс»?

– Да-да, пора, – с побитым видом согласился мистер Крестли. Пришлось ему поспешить прочь, не дождавшись ни единого взгляда мисс Ходж.

Мисс Ходж старательно выравнивала стопку книг, пока не удостоверилась, что мистер Крестли наконец ушел. Тогда она пригладила и без того гладкую прическу и устремила наверх – искать мистера Уэнтворта.

Мистер Уэнтворт был завучем и поэтому располагал кабинетом, в котором одиноко сражался с расписанием и прочими поручениями, поступавшими от мисс Кэadwalладер. Когда мисс Ходж постучала в дверь, мистер Уэнтворт бился над особенно заковыристой задачей. В школьном оркестре семьдесят человек, из них пятьдесят поют в школьном хоре, а из пятидесяти двадцать занимаются в театральной студии. Тридцать мальчиков-оркестрантов числятся в разных футбольных командах, а двадцать девочек состоят в школьной хоккейной сборной. Примерно треть из них к тому же играют в баскетбол. Все волейболисты занимаются в театральной студии. Спрашивается: как бы так составить расписание работы секций и кружков, чтобы всей этой компании не приходилось быть в трех местах одновременно? Мистер Уэнтворт отчаянно скреб то, что осталось от его шевелюры.

– Войдите, – буркнул он, увидел раскрасневшуюся, сияющую, взволнованную мисс Ходж и понял, что сил на разговоры с ней у него решительно нет.

– ...Сколько злобы в ребенке! А что, если все правда? – донесся до него голос мисс Ходж. Потом она вдруг отбросила тревожный тон и заговорила почти весело: – Но я, кажется, знаю, как разоблачить писавшего! Это кто-то из второго «игрек»! Может быть, мы подумаем над этим вместе, мистер Уэнтворт? – Она призывно склонила головку к плечу.

Мистер Уэнтворт никак не мог понять, о чем это она. Он снова поскреб в затылке и усталился на посетительницу. Судя по всему, речь идет о какой-то интриге, а интриги следует давить в зародыше.

– Анонимные записки часто пишут просто для того, чтобы почувствовать собственную значимость, – отважился он на эксперимент. – Не стоит принимать их всерьез.

– Но у меня прекрасный план! – запротестовала мисс Ходж. – Только послушайте...

«Похоже, недодавил...» – огорчился мистер Уэнтворт.

– Нет-нет, – поморщился он. – Ладно, что там было, в этой записке? Слово в слово.

Мисс Ходж немедленно приняла вид потрясенный и шокированный.

– Это ужасно! – Она перешла на театральный шепот. – Там сказано, что во втором «игрек» есть колдун!

Мистер Уэнтворт в очередной раз убедился в силе собственной интуиции.

– Ну, что я говорил? – сказал он с облегчением. – На подобные выходки, мисс Ходж, не стоит обращать никакого внимания.

– Но ведь у кого-то во втором «игрек» обнаружили нездоровые наклонности! – прошептала мисс Ходж.

Мистер Уэнтворт мысленно перебрал в голове тех, кто учится во втором «игрек», в том числе собственного сына Брайана.

– Да там у всех нездоровые наклонности, – вяло буркнул он. – Или они повзрослеют, или к шестому классу все поголовно оседлают метлы.

Мисс Ходж отшатнулась. Подобная грубость изрядно ее покорибила. Однако она нашла в себе силы рассмеяться. Само собой, она прекрасно понимает, что это шутка.

– Забудьте, – устало отмахнулся мистер Уэнтворт. – Забудьте, мисс Ходж. – Ну вот, наконец-то можно спокойно заняться расписанием...

Мисс Ходж вернулась к аккуратненьким стопочкам книг, но дух ее не был сломлен – во всяком случае, не настолько, насколько полагал мистер Уэнтворт. Главное – мистер Уэнтворт пошутил с ней! В первый раз за все время знакомства. Это достижение! Ни Тереза Муллетт, ни Эстель Грин не подозревали, что мисс Ходж хочет выйти замуж за мистера Уэнтворта. Мистер Уэнтворт был вдовец. А когда мисс Кэadwalладер удалится на покой, мистер Уэнтворт наверняка станет директором Ларвуд-Хаус. Это вполне устраивало мисс Ходж, поскольку ей надо было содержать своего старенького папу. Ради папы она была готова смириться и с лысиной, и с вечно озабоченным видом, и с неловкими манерами... Смущало мисс Ходж лишь то, что, смирившись с мистером Уэнтвортом, придется мириться и с Брайаном. При мысли о Брайане Уэнтворте гладкий лобик мисс Ходж прорезала морщинка. Несомненно, этот мальчик заслуживает того, как к нему относится весь второй «игрек». Ну ничего. В конце концов, переведем его в другую школу!

Между тем на уроке музыки мистер Брубек вызвал Брайана и велел ему петь соло. Второй «игрек» с трудом продирался сквозь гимн «Словно птицы лесные порою ночной». Завывали дети так, словно это был похоронный марш.

– Лучше уж ночью в лесу, чем тут! – шепнула Эстель Грин своей подруге Карен Григг.

Потом все запели «Что за чудо – кукабарра!». Даже из этой развеселой песенки второй «игрек» умудрился сделать панихиду...

– Что такое «кукабарра»? – шепотом спросила Карен.

– Тоже птица, – ответила Эстель. – Австралийская.

– Это никуда не годится! – разбушевался мистер Брубек. – Ну что вы как простуженные петухи? Один Брайан поет хоть сколько-нибудь пристойно!

– Одни птицы на уме! – хихикнула Эстель. А Саймон Силверсон, который искренне и твердо верил, что на всем белом свете лишь он сам достоин похвалы, смерил Брайана презрительным взглядом.

Мистер Брубек был столь увлечен своим делом, что вздорные идеи второго «игрек» совершенно его не волновали.

– «Поведай мне, кукушечка...», – возвестил он. – Брайан, спой эту песню перед классом.

Эстель снова хихикнула. Опять птицы! Тереза тоже хихикнула, потому что ей всегда было ужасно смешно, когда кого-то вызывали к доске. Брайан поднялся и раскрыл песенник. Вообще-то, смутить его было нелегко, но тут, вместо того чтобы петь, он прочел первые строчки – так, словно глазам своим не верил.

– «Кукушка – пташка вещая, кукует поутру. Поведай мне, кукушечка, когда же я умру...» – Сэр, а почему мы все про птиц да про птиц? – невинно спросил он.

Чарлз подумал, что Брайан поступил очень умно – учитывая взгляд, которым его наградил Саймон Силверсон.

Но Брайану это не помогло. Никто в классе его не любил. Девочки почти в один голос возмущенно фыркнули: «Брайан!» Саймон тоже процедил его имя, но насмешливо.

– Тихо! – рявкнул мистер Брубек. – Брайан, иди сюда и пой! – Он ожесточенно ударил по клавишам рояля.

Брайан застыл с песенником в руках, явно не зная, что делать. Если он не будет петь – не миновать ему нагоняя от мистера Брубек. А если будет – его точно отметелят одноклассники... Пока Брайан медлил, колдун, затаившийся в рядах второго «игрек», взял дело в свои руки: высокое окно с треском распахнулось и в актовый зал хлынул целый поток птиц! По большей части птицы были самые обыкновенные – воробьи, скворцы, голуби, дрозды. Они кругами летали по залу, роняли перья и гадили на мебель. Однако среди них мелькали две странные взъерошенные твари с огромными клювами – они все время жутко хохотали на разные голоса, и нечто красно-желтое, орущее «Ку-ку!!!», – несомненно, попугай.

К счастью, мистер Брубек решил, что окно распахнул ветер. Остаток урока все выгоняли птиц наружу. К тому времени хохочущие птицы с большими клювами уже исчезли: должно быть, колдун посчитал, что это слишком. Но все во втором «игрек» их точно видели!

– Если это снова произойдет, – важно заявил Саймон, – нам следует собраться вместе и...

Услышав это, Нирупам Сингх обернулся, отмахиваясь от хлопающих крыльев и падающих перьев, и спросил:

– А откуда ты знаешь, что все это не объясняется исключительно естественными причинами?

Саймон этого не знал – и счел за лучшее замолкнуть.

К концу урока выгнать удалось всех птиц, кроме попугая. Попугай уселся на карниз высоко под потолком, где его было не достать, и орал оттуда свое «Ку-ку!». Мистер Брубек выставил второй «игрек» в коридор и позвал сторожа, чтобы добраться до зловредной птицы. Чарлз вместе со всеми потащился прочь, от души надеясь, что шахматам, которые он предсказал в дневнике, конец. Он ошибался. Это было только начало.

Когда сторож, ворча, пришел со своей болонкой, чтобы выгнать попугая, птицы уже и след простыли...

Глава вторая

На следующий день мисс Ходж решительно взялась за разоблачение автора записки.

За всю школьную жизнь Нэн Пилигрим и Чарлза Моргана более кошмарного дня еще не выпадало. Утро Чарлза началось как обычно, а Нэн опоздала к завтраку – у нее порвался шнурок. За опоздание она получила выволочку дважды – от мистера Тауэrsa, а потом от дежурного! Свободное место оказалось только за столом, где сидели одни мальчишки. Нэн пробралась к столу, багровая от смущения. Все гренки уже съели – остался всего один ломтик. Когда Нэн села, Саймон схватил последний гренек.

– Не везет тебе, толстуха!

С дальнего конца стола на Нэн глядел Чарлз Морган. Он хотел посмотреть на нее с сочувствием, но получился, как всегда, холодный двустольный прицел... Нэн притворилась, будто ничего не заметила, и принялась, не поднимая глаз, жевать мокрый бледный омлет...

На уроках Нэн обнаружила, что Тереза и ее компания увлечены новой модой. Ничего хорошего это не сулило. Заводя новую моду, Терезины подружки выпендривались больше обычного – даже сегодня, когда все затевалось, конечно, только для того, чтобы не думать про птиц и колдунов. Новой модой было вязанье из беленького пушистенького мохера. Чтобы не запачкать, вязанье надо было заворачивать в полотенце. В классе стоял ровный гул: «Накид, две лицевые, две изнаночные...»

Ближе к полудню дела приняли совсем скверный оборот. Был урок физкультуры.

В Ларвуд-Хаус физкультура, как и дневники, полагалась каждый день. Второй «игрек» объединили со вторыми «икс» и «зет» – и мальчики пошли бегать на стадион, а девочки отправились в гимнастический зал. Там висели канаты.

Тереза, Эстель и прочие, радостно заверещав, с омерзительной легкостью полезли на канаты. Нэн попыталась затаиться у шведской стенки. Сердце у нее ухнуло в кроссовки. Это

даже хуже прыжков через коня. Нэн попросту не могла лазить по канату. У нее, наверное, от рождения не было нужных мышц.

А поскольку такой уж был день, мисс Филлипс тут же заметила Нэн:

– Давай-ка, Нэн, ты еще не пробовала. Тереза, Делия, Эстель! Слезайте поживее, дайте Нэн тоже забраться по канату!

Тереза и прочие с готовностью слезли – они прекрасно знали, что сейчас будет.

Нэн увидела, какие у них лица, и скрипнула зубами. Нет уж, на этот раз она все сделает как надо. Она залезет под самый потолок, и нечего Терезе так скалиться! И тут ей показалось, что до канатов идти едва ли не километр. Нэн почувствовала, что ноги у нее в широченных физкультурных штанах стали толстыми-претолстыми и лиловыми-прелиловыми, а руки обмякли, как вареные сосиски. Когда она наконец добралась до каната, оказалось, что узел на конце болтается у нее где-то над головой. А ведь надо было как-то умудриться встать на узел!

Нэн толстыми вялыми руками ухватила за канат и подпрыгнула. В результате узел больно ударил ее в грудь, а ноги сорвались – и снова оказались на полу. Терезина компания обрadowанно захихикала. Только этого не хватало! Им смешно! Все даже хуже прежнего!

Нэн почувствовала, что не может даже ноги от пола оторвать! Она снова ухватила за канат и опять подпрыгнула. И опять. И опять... Она прыгала и прыгала, подсакивая и шлепаясь, словно пухлый кенгуру, узел бил ее в грудь, а ноги больно стучались о пол. Хихиканье стало явственней – и в конце концов все громко расхохотались. И вот наконец, когда Нэн была уже совсем готова сдаться, она нащупала узел, перехватила веревку и повисла на канате – раскачиваясь, как ленивец, задыхаясь и обливаясь потом. Руки у нее быстро онемели. Это был просто ужас! А надо еще лезть по канату! Может, лучше отпустить канат, рухнуть на пол и сломать себе шею?

Мисс Филлипс стояла рядом:

– Ну давай, Нэн. Вставай на узел! Нечеловеческим усилием Нэн удалось выпрямиться. Она плавно описывала в воздухе круги, а мисс Филлипс, лицо которой находилось вровень с дрожащими коленями Нэн, в сотый раз ласково и терпеливо объясняла, как залезть по канату.

Нэн стиснула зубы. Надо залезть. У всех получается – значит в принципе это возможно. Нэн закрыла глаза, чтобы не видеть усмешек одноклассниц, и стала делать все так, как говорила мисс Филлипс. Она крепко и надежно ухватила за канат над головой. Осторожно пропустила канат между ступнями. Глаз не открывала, подтянулась на руках. Решительно подбрала ноги. Снова ухватила за канат. Снова подтянулась – это стоило ей неимоверного напряжения. Получается! Получается!!! Наверное, дело в том, что надо хорошенько зажмуриться? Нэн хваталась и подтягивалась, чувствуя, как ее тело легко взбирается к потолку, – все как у других девочек.

Но хихиканье вокруг почему-то перешло в гогот, а гогот – в стоны, вопли и вообще всяческие выражения бурной радости. Нэн удивленно открыла глаза. У ее колен кипело море красных хохочущих лиц. Из глаз у них текли слезы, кто-то согнулся пополам в безудержном веселье. Даже мисс Филлипс тихонько похрюкивала, прикусив губу. Ничего удивительного – Нэн взглянула вниз и обнаружила, что кроссовки у нее покоятся на нижнем конце каната – после всех усилий она по-прежнему стояла на узле.

Нэн попробовала рассмеяться тоже – конечно, это все страшно забавно... Но почему-то ей было совсем не весело. Единственное утешение – другие девочки, ослабев от смеха, тоже не смогли залезть по канату.

Между тем мальчики бегали кругами по стадиону. На них были коротенькие голубые шорты для бега, а из-под шиповок разлетались брызги росы. По школьным правилам бегать можно было только в шиповках. Мелькающие усталые ноги делились на группки. Впереди бежали быстрые мускулистые ноги, принадлежавшие Саймону Силверсону и его приятелям, а также Брайану Уэнтворту. Несмотря на короткие ножки, Брайан был очень хорошим бегуном.

Брайан предусмотрительно старался держаться позади Саймона, но то и дело острая радость движения одолевала его, и он забегал вперед. Тогда приспешники Саймона отпихивали его назад – право быть первым принадлежало исключительно Саймону.

Ноги, бежавшие вслед за этой группой, были не столь впечатляющи – и двигались без всякого энтузиазма. Это были ноги Дэна Смита и его компании. Все они вполне могли обогнать Саймона Силверсона, но берегли силы для более важных дел. Они не спеша рысили вперед, болтая на бегу. Сегодня они то и дело разражались хохотом.

За ними бежали самые разные ноги: ноги сизые, толстые, гипсово-белые, начисто лишенные мускулов – и массивные смуглые ноги Нирупама Сингха, казалось слишком тяжелые для его тощего тела. Этой группе было не до разговоров. Лица выражали разную степень отчаяния.

Самая последняя пара ног, безнадежно отставшая от остальных, принадлежала Чарлзу Моргану. Ноги Чарлза были ничем не хуже прочих, только на нем были обычные школьные туфли, совершенно мокрые. Чарлз всегда бежал последним. Он так решил. Он давно обнаружил, что если думать о чем-то важном, то можно бежать очень медленно, зато сколь угодно долго – и думать в свое удовольствие. Прерывали его только тогда, когда все прочие догоняли его сзади и несколько секунд вокруг него раздавались топот и пыхтение или когда рядом оказывался мистер Тауэрс, доверху застегнутый в теплую спортивную куртку, и начинал зачем-то подбадривать и поощрять Чарлза...

Чарлз трусил себе и думал. Он целиком отдался ненависти к Ларвуд-Хаус: ненавидел дорожку под ногами, дрожащую осеннюю листву, с которой на него капало, белые стойки футбольных ворот и аккуратные сосенки вдоль увенчанной шипами стены. Повернув и увидев школьные здания, Чарлз перенес свою ненависть на них. (Здания были из мрачного багрового кирпича – он всегда считал, что, если человек удавится, у него лицо становится такого цвета.) Чарлз подумал о длинных коридорах, покрашенных мерзкой зеленой краской, о вечно холодных батареях, о бурых классах, заиндевевших спальнях и запахе школьной еды – и достиг едва ли не апогея ненависти. А потом взглянул на мелькающие впереди ноги и понял, что людей ненавидит больше всего...

И тут он обнаружил, что опять вспоминает того сожженного колдуна. Воспоминание, как всегда, прокралось в его мысли непрошеным гостем. Только сегодня было даже хуже, чем обычно. Чарлзу вспомнились детали, которых он раньше не замечал: языки пламени, сначала маленькие, потом огромные, и как этот толстяк – колдун – пытался от них отшатнуться. Он будто наяву видел лицо обреченного – нос картошкой с бородавкой на кончике, капли пота на лбу и отблески огня в глазах и в каплях.

И особенно выражение этого лица – изумленное. Толстяк не верил, что и вправду умрет, – до той секунды, когда Чарлз его увидел. Наверное, бедняга думал, что колдовство его спасет... И вдруг понял, что этого не будет. И страшно испугался. Чарлз тоже страшно испугался. Он бежал, впад от ужаса в транс. Внезапно рядом с ним замаячила шикарная красная куртка мистера Тауэрса:

– Чарлз, почему ты бежишь в школьных туфлях?!

Толстяк-колдун исчез. Тут бы Чарлзу и обрадоваться, но радоваться он не стал. Ему помешали думать и нарушили его уединение.

– Я спрашиваю, почему ты не в шиповках? – допытывался мистер Тауэрс.

Чарлз притормозил, раздумывая, что бы ответить. Мистер Тауэрс бодро трусил рядом и ждал. Чарлз больше не думал о своем и поэтому сразу почувствовал, что ноги у него ноют и в груди болит. Его это раздосадовало. История с шиповками раздосадовала его и того больше. Он прекрасно знал, что шиповки спрятал Дэн Смит, – над этим-то и хихикала его компания. Чарлз видел, как они выворачивают шеи на бегу – ждут, что он скажет мистеру Тауэрсу. Досада его росла. Обычно подобные неприятности были уделом Брайана Уэнтворта, а не Чарлза. Двустольный взгляд хранил его до сей поры, хотя и отпугивал возможных друзей. Но теперь он

понял, что в грядущем надо позаботиться о более надежном оружии, чем взгляд. Ему было ужасно горько и тяжело...

– Я не нашел шиповки, сэр.

– А ты искал, позволь спросить?

– Еще как, – резко ответил Чарлз. – Везде смотрел.

«И почему я не сказал, что это они спрятали шиповки?» – подумал он, заранее зная результат: скажешь – и жизнь до конца семестра превратится в сущий ад.

– Опыт подсказывает, – объявил мистер Тауэрс, – что, когда лентяй вроде тебя говорит «везде», это значит «нигде». – Говорил он легко и свободно, будто сидел в кресле, а не бежал по стадиону. – После уроков зайдешь в раздевалку и разыщешь шиповки. Не уйдешь, пока не разыщешь. Понятно?

– Да, – буркнул Чарлз. На душе было мутно.

Мистер Тауэрс набрал обороты и нагнал следующую группу, где привязался к Нирупаму Сингху.

На большой перемене Чарлз снова принялся искать шиповки: безнадежно. Дэн запрятал их очень ловко. А после перемены оказалось, что у Дэна Смита появился новый повод повеселиться, кроме Чарлза. Это почувствовала на своей шкуре Нэн Пилигрим. Когда она вернулась в класс, ее встретил Нирупам.

– Привет! – сказал он. – А слабб показать мне тот фокус с веревочкой?

Нэн взглянула на него со смешанными чувствами, главным из которых было изумление, и молча метнулась мимо. «Откуда он знает про канат? – подумала она. – Девочки никогда не разговаривают об этом с мальчишками! Откуда он знает?!»

Но в следующий миг на Нэн налетел Саймон Силверсон, он едва сдерживал смех.

– Дорогая Дульсинея! – воскликнул он. – Какое прелестное имя! Наверное, тебя называли в честь архиведьмы? – Он согнулся пополам от хохота – и все его приспешники тоже.

– Представляешь? Ее на самом деле зовут Дульсинея! – сообщил Нирупам Чарлзу.

Это была чистая правда. Нэн почувствовала, что ее лицо словно бы превратилось в огненный шар, очень большой и страшно горячий. Дульсинея Уилкс была самой прославленной ведьмой всех времен. Никто не должен знать, что полное имя Нэн – Дульсинея! Нэн совершенно не понимала, как это могло всплыть. Она попыталась с достоинством пройти к своей парте, но к ней сбежались одноклассники, хохоча и выкрикивая: «Дульсинея! Дульсинея!» Сесть ей удалось, только когда в класс уже вошел мистер Уэнтворт.

На уроках мистера Уэнтворта второй «игрек» обычно вел себя смирно: мистер Уэнтворт был известен абсолютной безжалостностью. А кроме того, он умел рассказывать интересно, поэтому его уроки тянулись не так долго, как уроки прочих учителей. Но сегодня всем было не до мистера Уэнтворта... Нэн изо всех сил старалась не расплакаться.

Когда год назад тетушки Нэн привезли ее (еще более пухлую и застенчивую, чем сейчас) в Ларвуд-Хаус, мисс Кэдвалладер пообещала, что ее полное имя останется тайной. Мисс Кэдвалладер пообещала! Тогда откуда же все узнали?

Во втором «игреке» то и дело раздавались взрывы хохота и восторженный шепот:

– А может, Нэн Пилигрим – ведьма? Ничего себе имечко – Дульсинея! Это все равно что назвать человека Гай Фокс!¹

---

¹ 5 ноября 1605 года король Яков I должен был открывать заседание обеих палат английского парламента. Группа заговорщиков задумала в этот день взорвать здание Парламента. Во главе Порохового заговора стояли представители древних дворянских католических родов. Исполнить задание заговорщиков должен был Гай Фокс, но заговор был случайно раскрыт. Гая Фокса и остальных заговорщиков арестовали и казнили. В память о чудесном избавлении в английских церквях 5 ноября совершаются особые богослужения, а раньше, до 1850 года, организовывались народные гуляния, во время которых сжигали соломенное чучело Гая Фокса; с тех пор чучело и пугало по-английски называются гуи – «гай». Для любого англичанина Гай Фокс – воплощение вселенского зла. Впрочем, многие историки полагают, что никакого заговора вовсе не было... (Здесь и далее примечания переводчика.)

Посреди урока мысли об имени Нэн так одолели Терезу Муллетт, что она была вынуждена закрыть лицо вязаньем, чтобы похихикать всласть.

Мистер Уэнтворт немедленно отобрал вязанье. Он положил белоснежный сверток на учительский стол и с недоумением оглядел его.

– Ну и что же здесь смешного? – Он развернул полотенце, отчего Тереза тихонько вскрикнула, и поднял что-то маленькое и пушистое, все в дырочку... – Что это?!

Все засмеялись.

– Пинетка! – возмущенно ответила Тереза. – Для кого? – спросил мистер Уэнтворт. Все снова засмеялись. Смешок вышел виноватый и быстро оборвался, потому что всем было известно, что Тереза не из тех, над кем можно смеяться.

Между тем мистер Уэнтворт, казалось, не понимал, что сотворил чудо и заставил всех вопреки обыкновению смеяться над Терезой. Впрочем, долго смеяться все равно не вышло бы, потому что мистер Уэнтворт вызвал к доске Дэна Смита и попросил его показать на чертеже подобные треугольники. Урок продолжался. Тереза бормотала: «И ничего смешного! Ничего смешного!» Ее подружки сочувственно кивали, а все прочие косились на Нэн и сдавленно хихикали.

В конце урока мистер Уэнтворт сделал несколько недобрых предсказаний насчет массовых репрессий в случае, если подобное безобразие повторится. Уже в дверях он обернулся и добавил:

– Кстати, если Чарлз Морган, Нирупам Сингх и Нэн Пилигрим еще не смотрели на доску объявлений, советую пойти поинтересоваться. Сегодня они приглашены на обед за стол госпожи директрисы.

И Нэн, и Чарлз сразу поняли: день сегодня не просто плохой, а из тех, что хуже не бывает.

Мисс Кэдвалладер приглашала за свой стол важных посетителей школы. По школьной традиции ежедневно она выбирала троих учеников и тоже сажала их рядом с собой. Это делалось для того, чтобы все учились хорошим манерам – и чтобы мисс Кэдвалладер понемногу знакомилась со всеми своими подопечными. Это испытание по праву считалось тяжелейшим. Ни Чарлза, ни Нэн до сих пор ни разу не выбирали. Потрясенные услышанным, они побрели к доске объявлений. Действительно: «*Чарлз Морган, 2 „Y“; Дульсинейя Пилигрим, 2 „Y“; Нирупам Сингх, 2 „Y“*».

Нэн уставилась на объявление. Вот, значит, откуда все знают, как ее зовут! Мисс Кэдвалладер все забыла! Она забыла, кто такая Нэн, она забыла про свое обещание и, тыкая булавкой в списки – или что она там делает, когда выбирает учеников за свой стол, – просто написала выпавшие имена.

Нирупам тоже глядел на объявление. Ему уже приходилось обедать с директрисой – но от этого было ничуть не легче, чем Чарлзу и Нэн.

– Надо причесаться как следует и почистить блейзеры, – объяснил он. – И это правда, что надо брать такую же вилку или нож, что и мисс Кэдвалладер. Глаз с нее не спускайте, все время смотрите, чем и как она ест.

Нэн застыла у доски, не обращая внимания на тычки и толчки тех, кому тоже хотелось почитать объявления. Она оцепенела от ужаса. Ей стало ясно, что за столом директрисы она станет вести себя хуже некуда. Все уронит, закричит или даже разденется и спляшет на столе. И не сможет сдержаться, вот что самое страшное. Оттого-то она и застыла.

Когда она вместе с Чарлзом и Нирупамом подошла к столу директрисы, оцепенение не прошло. Причесались они до того, что голову саднило, оттерли с блейзеров пятна, которые вечно появляются на школьной форме неведомо откуда, – но все равно рядом с вельможным собранием за столом директрисы чувствовали себя мелкими грязнулями. Там были все учителя, и школьный казначей, и очень важный господин по имени лорд Ктототам, и сама мисс Кэдвалладер, высокая, прямая и тощая.

Мисс Кэadwalладер любезно улыбнулась им и указала на три свободных места по левую руку от нее. Все трое метнулись к стулу, который был от мисс Кэadwalладер дальше всего. Нэн, к собственному удивлению, сумела его занять, Чарлз уселся на стул посередине, а Нирупаму пришлось сесть рядом с директрисой.

– Но ведь так не годится, не правда ли? – пророкотала мисс Кэadwalладер. – Полагается, чтобы леди оказалась между джентльменами, верно? Пусть Дульсимера сядет посередине, а джентльмен, с которым я пока не знакома, займет место рядом со мной. Клайв Морган, если не ошибаюсь? Превосходно.

Чарлз и Нэн угрюмо пересели. Пока мисс Кэadwalладер произносила молитву, они глядели поверх голов прочих соучеников: те оказались не то чтобы внизу, но достаточно далеко, чтобы между ними легла пропасть. «Может быть, удастся упасть в обморок?» – с надеждой подумала Нэн. Она по-прежнему была уверена, что будет вести себя хуже некуда, – и при этом чувствовала себя очень странно, а обморок казался ей вполне достойным способом вести себя плохо.

Однако к концу молитвы Нэн по-прежнему была в сознании. Все уселись, она тоже. Чарлз сердито глядел в пространство. Нирупам от страха стал бледно-желтый. К облегчению бедолаг, мисс Кэadwalладер сразу повернулась к важному лорду и завела с ним светскую беседу. Служанки принесли подносы и поставили перед каждым по какой-то мисочке.

Что это? Обычно на обед детям ничего подобного не подавали... Они с подозрением поглядели в мисочки. Из какой-то желтой жижи выглядывали ма-а-ленькие розовые штучки.

– Креветки, наверное, – с сомнением протянул Нирупам. – Типа закуска.

Мисс Кэadwalладер грациозно протянула руку. Трое несчастных вывернули шеи: чем она будет есть то, что в миске? Рука взяла вилку. Все тоже взяли вилки. Нэн осторожно ткнула вилкой в миску... И тут же начала вести себя плохо. Сдержаться она не могла.

– По-моему, это горчица, – громко сказала она. – Разве креветки едят с горчицей? – Она положила в рот розовую штучку. На вкус та бы ла как резиновая. – Жвачка? – спросила Нэн. – Нет, *личинка*. *Личинки* с горчицей?!

– Заткнись! – зашипел Нирупам.

– Нет, не горчица, – продолжала Нэн. Собственный голос доносился до нее как бы со стороны, и ей никак не удавалось остановиться. – Пробы показали, что это желтое вещество представляет собой смесь яркого вкуса мокрых под мышек в сочетании... да-да, с оттенком тухлых очистков. С самого дна бака!

Чарлз уставился на нее. Его мутило. Если бы у него хватило храбрости прекратить есть, он бы встал и вышел прямо сейчас! Но мисс Кэadwalладер продолжала грациозно подцеплять вилкой креветки – если, конечно, это не были *личинки*, – и Чарлз был вынужден делать то же самое. Он стал думать, как записать это в дневнике... Раньше он не то чтобы ненавидел Нэн Пилигрим, поэтому шифра для нее пока не завел. Креветка... Может, «креветка»? – Он с трудом проглотил еще одну *личинку* (тьфу, креветку!) и понял, что мечтает только о том, чтобы запустить миской в физиономию Нэн!

– Такого желтого бака, вроде того, в котором хранят дохлых рыб для биологии... – провозгласила Нэн.

– В Индии креветки едят с карри, – громко сообщил Нирупам.

Нэн понимала, что он пытается ее заглушить. Титаническим усилием она заставила себя замолчать, запихнув в рот сразу несколько личинок – то есть креветок. Проглотить это было трудно, но, по крайней мере, она перестала говорить! Вот бы следующее блюдо было какое-нибудь совсем обыкновенное – и ее бы не понесло его описывать! Чарлз и Нирупам думали о том же...

Увы! На тарелках оказалось фирменное блюдо школьной столовой: его давали раз в месяц и официально оно называлось «Рагу в горшочке». На гарнир полагались картошка, мари-

нованные помидоры и консервированная вареная фасоль. Чарлз и Нирупам снова повернулись к мисс Кэдвалладер, чтобы выяснить, чем это полагается есть... Мисс Кэдвалладер взяла вилку. Они тоже взялись за вилки и, снова вывернув шеи, убедились, что мисс Кэдвалладер не берет нож, а зря: всем было бы гораздо легче. Нет, нож она не взяла. Ее вилка грациозно вонзилась в горку консервированной фасоли...

Мальчики хором вздохнули – и невольно уставились на Нэн, ожидая чего-то ужасного.

Их ожидания были вознаграждены: подцепив первый жирный картофельный кружок, Нэн почувствовала, как ее снова одолевает страсть к описанию. Она была как одержимая – с самой собой не справиться!

– Цель создания этого блюда – использовать все отходы, – сказала Нэн. – Берете старую картошку, вымачиваете в помоях, использованных как минимум дважды. Нужно, чтобы в помоях было побольше объедков... – «Прямо как говорить на иных языках², будто апостолы в Новом Завете, – подумала она. – Только это не иные языки, а всякие гадости». – Потом берете грязную старую консервную банку и протираете ее носками, которые носили не меньше двух недель. Укладываете в банку слоями картошку с объедками, кошачий корм и все, что подвернется под руку. В нашем случае в дело пошли плесневелые пышки и дохлые мухи...

«Может, назвать Нэн „рагу в горшочке“? – подумал Чарлз. – Подходит! Хотя нет, не годится: рагу бывает раз в месяц – за что большое спасибо, – а похоже, что ненавидеть Нэн ему придется чуть ли не каждый день. Ну почему ее никто не остановит?! Неужели мисс Кэдвалладер не слышит?!»

– А это, – Нэн ткнула вилкой в маринованный помидор, – какое-то мелкое животное, убитое и ловко освежеванное. Будете пробовать – обратите внимание на слабый сладковатый привкус его крови...

Нирупам коротко застонал и пожелтел пуще прежнего.

Услышав его стон, Нэн подняла голову. До сих пор она глядела только на стол вокруг тарелки, оцепенев от ужаса. Теперь она обнаружила, что напротив сидит мистер Уэнтворт. «Он же все слышал! Это было ясно видно по его лицу! Почему же он меня не остановил? – подумала Нэн. – Почему они все позволили мне говорить и говорить? Почему никто ничего не сделал, почему меня не разразил гром, почему меня не оставили после уроков на веки вечные?! Может, сползти под стол и сбежать?» А голос ее все звучал:

– На заре жизни это действительно была фасоль. Но затем ее подвергли долгим мучениям и издевательствам. Полгода фасолинки пролежали в канализации, впитывая ароматы и приобретая тонкий вкус. Сегодня их по праву можно назвать не просто вареными, а полупереваренными! Затем...

Тут мисс Кэдвалладер грациозно повернулась к ним. Нэн, к величайшему своему облегчению, запнулась на полуслове.

– Вы учитесь в школе достаточно давно, – пробасила директриса, – и уже успели хорошо узнать город. Помните ли вы то прелестное старинное здание на Хай-стрит?

Все трое вытаращились на нее. Чарлз поспешно проглотил кусок помидора:

– Прелестное старинное здание?

– Его еще называют Старые Ворота, – пояснила мисс Кэдвалладер. – Когда-то это была привратная башня в старой городской стене. Прелестная старинная кирпичная постройка!

– Это тот дом с башенкой и окнами, как в церкви? – спросил Чарлз, абсолютно не понимая, почему мисс Кэдвалладер говорит об этом, а не о вареной фасоли.

---

² Нэн Пилигрим вспоминает эпизод из Нового Завета – из раздела, который называется «Деяния апостолов». Там говорится о том, как на апостолов в день Пятидесятницы снизошел Дух Святой и апостолы «начали говорить на иных языках» (Деяния, 2:4) – они славили Господа на всевозможных языках, наречиях – и при этом не могли остановиться. Окружающие отнеслись к этому по-разному; далеко не все поняли, что стали свидетелями чуда, и «иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина».

– Да-да, – кивнула мисс Кэadwalладер. – Какой стыд! Здание предполагают снести и на его месте построить супермаркет! Вы, конечно, знаете, что у кровли этого дома совершенно необычный конек?

– О, что вы говорите? – учтиво откликнулся Чарлз.

– Да, и кобылка тоже, – снова кивнула мисс Кэadwalладер.

Какая кобылка?! Тем не менее бедному Чарлзу пришлось взвалить на себя бремя непостижимой светской беседы. Нирупам вздохнул с облегчением, а Нэн ограничилась тем, что сделала умное лицо. Говорить она не решалась, боясь, что стоит открыть рот – и опять ее понесет описывать еду!

Мисс Кэadwalладер говорила, Чарлз волей-неволей отвечал, одновременно пытаясь есть маринованные помидоры (именно помидоры, а не освежаванных мышей!) одной вилкой, без ножа. В конце концов все это стало казаться ему утонченной пыткой...

Чарлз подумал, что для мисс Кэadwalладер тоже надо подыскать кодовое обозначение. Может быть, это она будет «рагу в горшочке»? Ведь невозможно, чтобы подобный ужас происходил с ним чаще чем раз в месяц, – это было бы уж слишком! Но тогда надо придумать слово для Нэн...

Рагу унесли. Чарлз почти ничего не съел. Мисс Кэadwalладер все говорила и говорила о городских достопримечательностях, потом перешла к особнякам и замкам графства, и наконец принесли пудинг. Пудинг, белесый, бледный, тающий, трепетал на тарелке, и белые зернышки в нем казались букашками в янтаре... (Ой, мама, Нэн Пилигрим, оказывается, заразная!)

И тут Чарлз понял, что нашел обозначение для Нэн!

– «Рисовый пудинг»! – воскликнул он.

– О да, это так вкусно! – улыбнулась мисс Кэadwalладер. – И питательно!

Тут произошло невероятное: мисс Кэadwalладер протянула руку и взяла вилку. Чарлз вытаращил глаза. Она что, собирается есть полужидкий пудинг вилкой? Но именно это и случилось...

Директриса подхватила вилкой кусочек пудинга и понесла его ко рту, роняя молочные капли.

Чарлз тоже взял вилку, медленно занес ее над тарелкой и покосился на Нэн с Нирупамом. Они глазам своим не верили...

Нирупам с несчастным видом уставился в тарелку. Тающий пудинг вот-вот собирался перетечь через край.

– В «Тысяче и одной ночи» есть история о женщине, которая ела рис по зернышку булавкой, – убитым голосом сообщил он. Чарлз в панике покосился на мисс Кэadwalладер, но та беседовала с лордом. – Оказалось, что эта женщина – упырь, – продолжал Нирупам. – Каждую ночь она наедалась до отвала мясом мертвецов...

Чарлз покосился в другую сторону – на Нэн. – Ты что, дурак? – зашипел он. – Она же сейчас опять начнет!

Однако оказалось, что одержимость оставила Нэн. Она склонила голову к тарелке и прошептала – так тихо, что ее слышали только мальчики:

– Смотрите, мистер Уэнтворт ест ложечкой! – Думаешь, можно? – прошептал в ответ Нирупам.

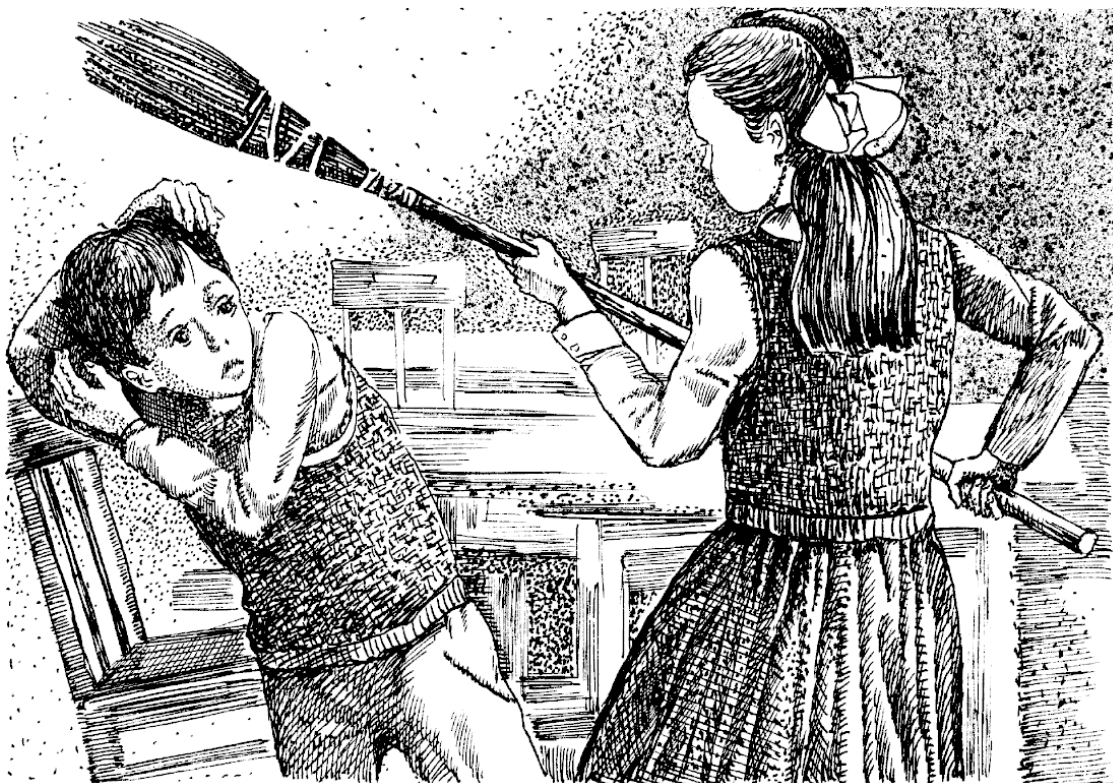
– Я тоже буду, – решил Чарлз. – Есть хочу!

Они взялись за ложки. Когда обед наконец закончился, бедняги в ужасе обнаружили, что мистер Уэнтворт подзывает их к себе. Однако оказалось, что ему нужна только Нэн. Когда она неохотно подошла, он сказал:

– Зайди в четыре ко мне в кабинет.

Нэн поняла, что только этого ей не хватало до полного счастья. А день только-только перевалил за середину.

Глава третья

После обеда Нэн вернулась в класс и обнаружила, что на ее парте лежит метла... Это была старая облезлая метла, на которой осталось лишь несколько прутьев, садовник иногда подметал ею дорожки. Кто-то принес ее из сарая. А кое-кто другой привязал к палке бирку: «Пони Дульсинеи». Нэн сразу узнала округлый ангельский почерк Терезы Муллетт.

Нэн оглядела хихикающие выжидающие лица. Тереза никогда не осмелилась бы стащить метлу. Эстель? Нет. Ни Эстель, ни Карен Григг в классе не было. Нет, это Дэн Смит. Точно. По лицу видно! Нэн перевела глаза на Саймона Силверсона – и решила, что ошиблась. Ни тот ни другой этого не делали – просто потому, что никогда и ничего не делали вместе, а выражение лиц у них сейчас было со-вер-шен-но одинаковое!

Саймон, улыбаясь до ушей, проворковал сладким-пресладким голосом:

– Ну, садись, Дульсинея, покатайся!

– Давай-давай, садись, Дульсинея, – гоготнул Дэн Смит.

Тут все расхохотались и стали кричать, чтобы она села на метлу. Брайан Уэнтворт, который обожал мучить других, когда его самого не мучили, скакал в проходе и верещал: «Покатайся, Дульсинея!»

Нэн медленно подняла метлу. Она была девочкой мягкого, мирного нрава и редко выходила из себя – возможно, это-то и было ее главной бедой, – но уж если она теряла терпение, то сама не знала, чем это кончится! Берясь за метлу, она была уверена, что собирается с достоинством поставить ее в угол... Но стоило ей ощутить в ладони узловатую палку – и терпение покинуло ее. Нэн повернулась к глумливо гогочущей толпе, бурля от ярости. Она подняла метлу над головой и оскалила зубы. Все подумали, что так еще смешнее.

Нэн хотела хлестнуть метлой по сияющей физиономии Саймона Силверсона! Она хотела огреть Дэна Смита по башке! Но, поскольку прямо перед ней скакал, верещал и гримасничал Брайан Уэнтворт, ему досталось первому... К счастью для себя, он вовремя заметил опускающуюся метлу и отскочил в сторону. После этого ему пришлось отступать вдоль всего про-

хода к двери, прикрыв голову локтями и моля о пощаде, а Нэн бежала за ним и бушевала как безумная.

– Помогите! Остановите ее! – провизжал Брайан и распахнул дверь – как раз тогда, когда в нее входила мисс Ходж с большой стопкой учебников по литературе. Брайан налетел на нее и сполз на пол, осыпаясь градом книг. – Ой... – простонал он.

– Что происходит? – осведомилась мисс Ходж.

Второй «игрек» затих, словно его выключили. – Вставай, Брайан, – приказал Саймон Силверсон голосом, исполненным праведного гнева. – Нечего было дразнить Нэн Пилигрим.

– Ну правда, Нэн! – укоризненно пискнула Тереза, которую все происшедшее ужасно расстроило. – Надо держать себя в руках!

При этих словах Нэн чуть не ударила Терезу метлой. Спасло Терезу только своевременное появление Эстель Грин и Карен Григг. Они влетели в класс, виновато потупившись и держа в охапках большие пакеты с клубками шерсти.

– Извините за опоздание, мисс Ходж, – заскулила Эстель. – Нам позволили пойти в магазин, честное слово!

Нэн забыла о метле. Клубки в пакетах были белые и пушистые, в точности как у Терезы. «Ну почему, – в тоске подумала Нэн, – все хотят быть как Тереза?!»

Мисс Ходж взяла метлу из безвольных рук Нэн и аккуратно поставила ее за дверь.

– Все садитесь, – сказала она.

Мисс Ходж была страшно расстроена. Она-то думала, что тихонько войдет в класс, полный тихих детей, и взбудоражит их своими неожиданными действиями. А оказалось, что они уже взбудоражены – и все из-за ведьминой метлы! Теперь уже не удастся поймать врасплох ни колдуна, ни автора записки! Но не пропадать же хорошему плану!

– Сегодня у нас будет не совсем обычный урок, – сообщила мисс Ходж, когда все наконец расселись. – Дела со стихами у нас не очень-то ладятся, верно? – Она лучезарно улыбнулась классу.

Второй «игрек» ответил ей настороженными взглядами. Кому-то казалось, что лучше что угодно, чем когда тебя заставляют думать, будто стихи – это красиво. Другие предпочитали подождать, что предложат взамен. Прочих занимало совсем другое: Нэн пыталась не разреветься, Брайан зализывал ссадину на руке, а Чарлз *глядел*. Стихи Чарлзу нравились: в них строчки короткие. Вокруг остается достаточно места для собственных мыслей.

– Сегодня, – продолжала мисс Ходж, – вы поработаете сами!

Все в ужасе отпрянули. Эстель подняла руку: – Мисс Ходж, простите, я совсем не умею писать стихи...

– А я и не собираюсь заставлять вас писать стихи! – воскликнула мисс Ходж. Все ослабились. – Сегодня мы разыграем несколько сценок...

Все снова в ужасе отпрянули. Мисс Ходж не обратила на это внимания и стала объяснять, что она будет вызывать всех к доске парами – мальчика и девочку, все пары будут разыгрывать одну и ту же сценку.

– Так что у нас получится пятнадцать сценических миниатюр! – заключила она.

К тому времени весь второй «игрек» глядел на нее в немом отчаянии. Мисс Ходж нежно улыбнулась и приготовилась взбудоражить класс. Как бы там ни было, думала она, а ее план все равно должен сработать.

– Теперь надо выбрать тему для сценок... Что-то сильное, впечатляющее, оставляющее простор для смелых импровизаций. Прощание влюбленных? – Кто-то застонал. (Мисс Ходж ожидала этого стоны.) – Ну хорошо. Есть предложения?

Поднялись две руки – Терезы и Дэна Смита. – Телезвезда и ее поклонник, – мяукнула Тереза.

– Убийца и полицейский на допросе, – рявкнул Дэн. – пытки разрешены?

– Нет! – отрезала мисс Ходж, и Дэн потерял интерес к происходящему. – Еще?

Нирупам поднял длинную худую руку:

– Продавец обманом заставляет покупательницу купить машину.

Ладно, подумала мисс Ходж, вряд ли они сами предложат то, что выведет их на чистую воду! Она притворилась, будто раздумывает.

– Пока что самое забавное предложение внес Дэн... Но я имела в виду ситуацию действительно драматическую... и при этом что-нибудь такое, о чем все мы прекрасно знаем...

– Ну, про убийства-то мы все знаем! – возразил Дэн.

– Конечно, – согласилась мисс Ходж, оглядывая класс, как коршун. – Но еще больше мы знаем о воровстве, лжи, колдовстве... – Она словно бы ненароком взглянула на метлу, сделав вид, что страшно удивилась. Метла здесь оказалась очень и очень кстати. – Вот что! Давайте представим себе, что один ваш одноклассник – колдун или ведьма, а его товарищ – инквизитор. Ну как?

Никак. Ни одна живая душа во втором «игрек» не отозвалась на это предложение. Только Дэн недовольно пробасил:

– Ну вот, это ведь я придумал! И какой тогда интерес без пыток?!

Мисс Ходж мысленно пометила Дэна как «подозреваемого номер один».

– Ну, тогда ты и начнешь, Дэн, – сказала она. – И Тереза. Кем ты будешь, Тереза, – ведьмой или инквизитором?

– Инквизитором! – поспешно выпалила Тереза.

– Нечестно! – возмутился Дэн. – Откуда мне знать, что должен делать колдун!

И это с очевидностью было правдой. А Тереза с такой же очевидностью представления не имела, что должен делать инквизитор. Они стояли у доски, как истуканы. Дэн пялился в потолок, а Тереза твердила:

– Вы колдун.

– Нет, я не колдун! – отвечал Дэн потолку. И так они переговаривались, пока мисс Ходж их не остановила. Она с сожалением перенесла Дэна с первого места в списке подозреваемых на последнее и поместила туда же Терезу, а потом вызвала следующую пару.

Подозрительного поведения не наблюдалось: большинство старалось отделаться поскорее, кто-то пытался что-то изобразить – так, от скуки, кто-то из кожи вон лез, чтобы представление было поэффектнее... А первый приз за краткость, вне всякого сомнения, принадлежал Саймону Силверсону и Карен Григг:

– Я знаю, что вы ведьма, – заявил Саймон. – Возражения не принимаются.

А Карен ответила:

– Да, я ведьма. Сдаюсь! Хватит.

Когда дело дошло до Нирупама, в списке подозреваемых мисс Ходж все места были последние... Нирупам в роли инквизитора был великолепен: глаза его сверкали, голос то и дело переходил от зловещего шепота к устрашающему реву! Он яростно тыкал пальцем в лицо Эстель:

– Только поглядите, какой у нее дурной глаз! – рычал он. – Вижу, знаю, чую – ты ведьма!

Эстель так перепугалась, что ей даже не пришлось стараться, чтобы изобразить страдающую невинность.

Но Брайан Уэнтворт в роли колдуна перещеголял даже Нирупама-инквизитора. Брайан рыдал, унижался, рассыпался в очевидно лживых оправданиях и в конце концов рухнул на колени к ногам Делии Мартин, моля о снисхождении и обливаясь настоящими слезами.

Все были потрясены, в том числе и мисс Ходж... Она с радостью поместила бы Брайана на первое место в списке – и как возможного колдуна, и как того, кто написал записку... Но в ее планы вовсе не входило идти к мистеру Уэнтворту и говорить, что это Брайан! Нет, решила

она. В представлении Брайана не было подлинного чувства. И в игре Нирупама тоже. Просто они оба имеют задатки хороших актеров.

Затем пришел черед Чарлза и Нэн... Чарлз с самого начала чувствовал, что его вызовут в паре с Нэн, и ужасно злился. Чего это она весь день его донимает? Однако он рассудил, что даже столь неудачная партнерша не помешает ему сделать из своего выступления триумф комического искусства. Ему было досадно, что все, кроме Нирупама, отнеслись к заданию тупо и безыскусно. Никому в голову не пришло сделать инквизитора смешным.

– Я – инквизитор! – быстро сказал он.

Но бедная Нэн еще не оправилась после случая с метлой. Она решила, что Чарлз тоже издевается над ней, и уставилась на него. А Чарлз из принципа не позволял никому пристально смотреть на себя и всегда отвечал наигнуснейшим из своих двустольных взглядов. Так они и брели к доске, сопя и волками глядя друг на друга...

Оказавшись перед классом, Чарлз хлопнул себя по лбу.

– Отечество в опасности! – провозгласил он. – Налицо нехватка ведьм для осенних костров! Придется найти на замену обычного человека... – Он ткнул пальцем в Нэн. – Вот ты! С этой секунды ты объявляешься ведьмой!

Нэн не успела понять, что представление уже началось. Кроме того, она ужасно обиделась и разозлилась, а потому не могла сдержаться.

– Ни за что! Никакая я не ведьма! – выпалила она. – Может, это ты будешь колдуном?

– А я могу доказать, что ты ведьма! – Чарлз старался гнуть свою линию. – Я инквизитор и могу доказать что угодно!

– Ну, тогда мы оба будем инквизиторами, и я докажу, что ты тоже колдун! – Нэн, казалось, не замечала его блистательной игры. – И попробуй докажи, что это не так! У тебя четыре глаза и все дурные, а еще ты пахнешь ногами! Вот!

Все посмотрели Чарлзу на ноги. Поскольку ему пришлось бегать по стадиону в школьных туфлях, они до сих пор не высохли. А в тепле туфли стали издавать слабый, но отчетливый аромат.

– Сыр... – повел носом Саймон Силверсон. Чарлз бросил злобный взгляд на свои туфли.

Нэн напомнила о том, что ему еще предстоит разбираться с пропажей шиповок. К тому же она испортила ему весь спектакль. Чарлз ненавидел Нэн. Как сладко было снова ощутить ненависть!

– Личинки! Горчица! Дохлые мыши! – зарычал он. Все уставились на него в полном недоумении. – Полупереваренная фасоль, вымоченная в помоях! – Чарлз был вне себя от ненависти. – Картошка с объедками! Неудивительно, что тебя зовут Дульсинея! Подходящее имечко для такой мерзавки, как ты!

– А сам-то! – закричала на него Нэн. – Это ведь ты наколдовал птиц вчера на музыке!

Весь второй «игрек» потрясенно ахнул.

Мисс Ходж была просто в восторге: все шло лучше некуда! Что там сказал Чарлз? Так вот почему весь второй «игрек» оказался на последнем месте в ее списке подозреваемых: просто на первом месте были Нэн и Чарлз. Как она раньше не догадалась! Во втором «игрек» они всегда были белыми воронами. Наверняка это Нэн написала записку, а говорится в ней про Чарлза. И пусть теперь мистер Уэнтворт шутит над планами мисс Ходж сколько хочет!

– Мисс Ходж, мисс Ходж, был звонок! – взмолился целый хор голосов.

Дверь открылась, и вошел мистер Крестли. Увидев мисс Ходж – а он пришел сразу после звонка именно для того, чтобы застать ее, – он залился краской до самых ушей, к полному восторгу Терезы и Эстель.

– Не помешаю, мисс Ходж? – робко спросил он.

– Нисколько, – отозвалась она. – Мы только что закончили. Нэн, Чарлз, садитесь. – И мисс Ходж вылетела из класса, словно бы и не обратив внимания на то, что мистер Крестли успел

учтиво распахнуть перед ней дверь, для чего ему пришлось совершить не слишком изящный прыжок.

Мисс Ходж со всех ног бросилась наверх, в кабинет мистера Уэнтворта. Неужели и такие новости не произведут на него должного впечатления? Но, к ее великой досаде, мистер Уэнтворт уже спешил вниз с коробкой мела в руках – он опаздывал на урок к третьему «зет».

– Ах, мистер Уэнтворт! – взмолилась мисс Ходж. – Можно вас на минуточку?

– Ни секунды, – пропыхтел на бегу мистер Уэнтворт. – Если что-то срочное, оставьте записку.

Мисс Ходж ловко ухватила его за рукав:

– Мистер Уэнтворт! Это касается второго «игрек» и моего плана! Анонимка! Помните?

Мистер Уэнтворт раздраженно извернулся, пытаясь выдернуть рукав из ее цепких пальчиков.

– Какой план? Какая анонимка?

– План сработал! – ликуяще прозвенела мисс Ходж. – Я уверена – анонимку написала Нэн Пилигрим! Вызовите ее...

– Она придет ко мне в четыре, – нетерпеливо оборвал ее мистер Уэнтворт. – Если что-то важное, оставьте мне записку, мисс Ходж.

– Эйлин, – проворковала мисс Ходж.

– Какая еще Эйлин? – застонал мистер Уэнтворт, которому так и не удалось высвободить рукав. – Что, эту вашу анонимку писали две девочки?

– Меня зовут Эйлин, – не отставала мисс Ходж.

– Мисс Ходж! – отчеканил мистер Уэнтворт. – Там третий «зет» уже окна бьет!

– И Чарлз Морган тоже! – заверещала мисс Ходж, чувствуя, что рукав ускользает из пальцев. – Мистер Уэнтворт, честное слово, этот мальчишка читал заклинание прямо на уроке! Личинки, горчица и картошка с помоями... и всякие другие гадости...

Мистер Уэнтворт наконец выдернул руку и побежал вниз.

– И всякие жучки-червячки и рыболовные крючки! – раздраженно бросил он через плечо. – Так и запишите, мисс Ходж!

– Вот еще! – обиделась мисс Ходж. – А впрочем, действительно запишу! Должен же он обратить на это внимание! – Она отправилась в учительскую и до конца урока сочиняла отчет о своем эксперименте, записывая его почерком почти таким же округлым и ангельским, как у Терезы.

Между тем мистер Крестли со вздохом закрыл дверь за мисс Ходж.

– Достаньте дневники! – велел он второму «игрек».

Мистеру Крестли надо было принять какое-то решение относительно этой записки, нельзя было допустить, чтобы чувства к мисс Ходж помешали выполнению его профессионального долга. И потому прежде, чем второй «игрек» открыл дневники и погрузился в них с головой, мистер Крестли обратился к классу с длинной и серьезной речью.

Он объяснил, как отвратительны, мерзки и бесчеловечны анонимные обвинения. Он предложил детям представить себе, каково бы им было, если бы кто-нибудь написал подобную записку про них. А потом он сообщил, что кто-то из второго «игрек» как раз и написал подобную записку.

– Я не собираюсь ее вам читать, – продолжал мистер Крестли. – Скажу лишь, что в ней содержится обвинение в очень серьезном преступлении. Мне бы хотелось, чтобы все вы как следует обдумали то, что я вам сообщил, пока будете писать дневники. А после этого пусть тот из вас, кто написал записку, напишет еще одну, где назовет себя и объяснит, почему это сделал. И все. Я не стану никого наказывать. Я лишь хочу, чтобы этот человек осознал всю серьезность подобных поступков.

Закончив говорить, мистер Крестли уселся проверять контрольные, чувствуя, что объяснил все достаточно доходчиво. Второй «игрек» взялся за ручки. Благодаря мисс Ходж все прекрасно поняли, о ком идет речь.

29 октября, – писала Тереза. – В нашем классе есть колдун или ведьма. М-р Крестли только что рассказал нам об этом. М-р Крестли хочет, чтобы колдун сам сознался. М-р Уэнтворт сегодня утром отобрал мое вязанье. И смеялся надо мной. Мне не возвращали вязанье до самого обеда. Эстель Грин тоже начала вязать. Ей бы только обезьянничать. Нэн Пилигрим утром не смогла залезть по канату, а ее полное имя – Дульсинья. Мы все очень смеялись.

Мистер Крестли только что очень, очень серьезно поговорил с нами, – сообщал Саймон Силверсон. – Он сказал, что в нашем классе есть преступники. Я постараюсь, чтобы они не ушли от правосудия. Если я не сумею их обличить – обвинят нас всех. Разумеется, это совершенно секретная информация.

Нэн Пилигрим – ведьма, – выводил Дэн Смит. – Это нетайное чувство, патамушта мистир Крестли сам сказал. Я тоже так думаю. Ее даже зовут Вчесть той знаменитой ведьмы не-знаю как пишеца. Здорова будет если можно будет поглядеть как ее жгут.

Мистер Крестли говорил про какие-то серьезные преступления, – писала Эстель. – А мисс Ходж заставила нас обвинять друг друга. Было очень страшно. Надеюсь, все это неправда. Бедный Пух, как увидел мисс Ходж, стал весь красный, а она опять его отвергла.

Остальные писали что-то в том же духе, и только три человека думали совсем о другом:

Сегодня ничего не случилось, – писал Нирупам. – Не хочу даже вспоминать о столе директрисы.

Брайан Уэнтворт самозабвенно рассчитывал автобусный маршрут из Тимбукту в Кашмир с учетом воскресных дорожных работ.

Нэн довольно долго вовсе не знала, что писать. Ей отчаянно хотелось излить на бумагу сегодняшние горести, но как рассказать об этом, избегая всего личного? Внезапно ее охватило негодование, и ручка сама побежала по бумаге:

Не знаю, сильно ли отличается второй «игрек» от других классов, но дела у нас обстоят вот как. Класс делится пополам невидимой линией – она проходит поперек, и люди пересекают ее только по приказу учителей. Девочки делятся на настоящих девочек (Тереза Муллетт) и муляжи (Эстель Грин). Еще есть я. Мальчики делятся на настоящих мальчиков (Саймон Силверсон), зверей (Дэн Смит) и ненастоящих мальчиков (Нирупам Сингх). Еще есть Чарлз Морган и Брайан Уэнтворт. Настоящими мальчиков и девочек делает то, что никто над ними не смеется. Муляжи и ненастоящие могут жить вполне сносно, только по правилам надо, чтобы они во всем слушались настоящих и зверей. В Чарлза Моргана или в меня человек превращается, если по правилам все девочки оказываются лучше меня, а все мальчики – лучше Чарлза Моргана. Чтобы доказать это, можно даже пересечь невидимую линию. И любой может пересечь невидимую линию, чтобы сделать гадость Брайану Уэнтворту.

Нэн остановилась. До сих пор она писала как одержимая – что-то подобное с ней и случилось за обедом. А теперь надо было подумать о Брайане Уэнтворте. Что такого есть в Брайне, что ставит его даже ниже ее, Нэн?

Беда Брайана в том, – продолжала она, – что его папа – мистер Уэнтворт. К тому же он маленький и шустрый, а это раздражает. А еще он очень многое умеет и хорошо все понимает, это он должен быть настоящим мальчиком, а не Саймон Силверсон. Но СС настолько уверен в том, что он настоящий, что даже Брайана в этом убедил.

«Не совсем точно», – подумала Нэн, но лучше описать не выходит... Она перечитала описание второго «игрек» и поразилась собственному мастерству. Ей настолько понравилось, что она почти забыла о собственных несчастьях.

Я проснулся, я проснулся, Я ПРОСНУЛСЯ, – вывел Чарлз.

Получилось, будто бы утром ему не терпелось вскочить с постели, хотя, конечно, на самом деле ничего подобного не было. Сегодняшний день преисполнил Чарлза такой ненавистью, что это требовало особого выражения.

Мои шиповки засыпало кукурузными хлопьями. Когда я бегал по стадиону и во время обеда за столом директрисы было ужасно жарко. Не люблю рисовый пудинг. Мы по уши наигрались в шахматы с мисс Ходж и рисовым пудингом, а до вечера еще тысяча лет.

«Ну вот, в общем-то, и все», – решил он. После звонка мистер Крестли поспешил поскорее собрать стопку тетрадей, чтобы успеть застать мисс Ходж в учительской. И оцепенел. Под тетрадями лежала новая записка! Те же печатные буквы, те же синие чернила... Записка гласила:

ХА-ХА!

ДУМАЕТЕ, ТАК СРАЗУ РАСКОЛЮСЬ? ЧТО, СЪЕЛИ?

«Боже мой, что мне делать?!» – в панике подумал мистер Крестли.

Глава четвертая

После уроков все ринулись из классов кто куда. Тереза и ее подружки – Делия, Хизер, Дебора, Джулия и прочие – помчались в игровую комнату для младших классов, чтобы занять там все батареи, рассесться на них и вязать, Эстель и Карен побежали за ними, не теряя надежд на батареи в коридоре – те, конечно, холоднее, но считать петли можно и там...

Саймон повел свою свиту в лаборатории, чтобы помочь там прибраться, заработав себе еще очков. Дэн Смит не стал играть с друзьями в футбол, потому что у него было дело: забраться в кусты и наблюдать, как старшеклассники целуются со старшеклассницами. Чарлз в тоске потащился в раздевалку искать шиповки.

Нэн в такой же тоске потащилась наверх, в кабинет мистера Уэнтворта.

У мистера Уэнтворта кто-то был. Нэн слышала голоса и видела сквозь матовое стекло два силуэта. Вот и хорошо! Чем дольше они там будут разговаривать, тем лучше... Она проторчала в коридоре минут двадцать, пока дежурный, проходя мимо, не спросил, что она тут делает.

– Мне нужно к мистеру Уэнтворту, – ответила Нэн.

Чтобы дежурный поверил, пришлось стукнуть в дверь.

– Войдите! – рявкнул мистер Уэнтворт. Удовлетворенный дежурный направился прочь. Не успела Нэн взяться за ручку, как дверь сама отворилась и вышел мистер Крестли. Он был совсем красный и глупо посмеивался.

– Честное слово, когда я достал тетради и положил их на стол, ее еще не было! – развел он руки.

– Значит, плохо смотрели, Харалд, – отмахнулся мистер Уэнтворт. – Наш забавник на это и рассчитывал. Забудьте, Харалд. А, это ты, Нэн. Ты что, заблудилась? Давайходи. Мистер Крестли как раз уходит.

Он вернулся в кабинет и сел за стол. Мистер Крестли, по-прежнему красный, немного помешкал на пороге, а потом побежал вниз по лестнице, предоставив Нэн самой закрыть дверь. Нэн повернулась к мистеру Уэнтворту – и увидела, что он глядит на три листка бумаги, лежа-

щие на столе, так, словно они его вот-вот укусят. Один из них был исписан почерком мисс Ходж, а на остальных виднелись синие печатные буквы. Всматриваться Нэн не стала: что ей за дело до чужих писулек? Хватит и собственных бед.

– Нэн, объясни, пожалуйста, свое поведение за обедом, – велел мистер Уэнтворт.

Поскольку у Нэн не было никаких оправданий и объяснений, она так и сказала:

– Не могу, сэр.

И уставилась на паркет.

– Не можешь? – воскликнул мистер Уэнтворт. – Выходит, ты испортила аппетит лорду Мульке без малейших на то причин? Нет уж, скажи хоть что-нибудь! Объяснись!

Нэн понуро поставила ногу на паркетину так, чтобы та не вылезала за края.

– Не знаю, сэр. Говорила – и все.

– Не знаешь. Говорила – и все, – повторил мистер Уэнтворт. – То есть ты говорила против своей воли и сама не понимала, что говоришь?

«Наверное, это сарказм, – подумала Нэн. – Но ведь все так и было!» Она аккуратно пристроила вторую ногу на паркетину, которая подходила к первой под прямым углом, и стояла, покачиваясь, носками внутрь. Надо как-то объяснить.

– Ну, я не знала, что скажу в следующую секунду, сэр.

– А почему? – строго спросил мистер Уэнтворт.

– Не знаю. – Нэн уныло опустила плечи. – Я была как одержимая.

– Одержимая?! – закричал мистер Уэнтворт. Обычно он так кричал, когда собирался запустить в кого-нибудь мелом.

Нэн отшатнулась, чтобы увернуться от броска. Но она совсем забыла, что носки у нее повернуты внутрь, и тяжело села на пол, глядя снизу вверх на изумленное лицо перегнувшегося через стол мистера Уэнтворта.

– Это еще что? – рявкнул он.

– Только мелом не бросайтесь, – попросила Нэн.

Тут раздался стук в дверь, в комнату просунулась голова Брайана Уэнтворта.

– Ну, пап, ты как, освободился?

– Нет! – гаркнул мистер Уэнтворт.

Они разом посмотрели на Нэн, сидевшую на полу.

– Чего это она? – спросил Брайан.

– Говорит, что она одержимая, – объяснил мистер Уэнтворт. – Иди и возвращайся минут через десять. Вставай, Нэн.

Брайан послушно исчез за дверью. Нэн поднялась на ноги. Это было почти так же трудно, как взобраться по канату. Ей даже стало интересно, как живет Брайану, у которого папа учитель, но гораздо больше ее интересовало, что мистер Уэнтворт теперь с ней сделает. Вид у него был самый что ни на есть обеспокоенный. Он снова уставился на три бумажки на столе.

– Так ты думаешь, что ты была одержима? – переспросил он.

– Да нет же, – замотала головой Нэн. – Я хотела сказать, что это было *как* одержимость! Я еще до обеда знала, что сделаю что-то ужасное, только не знала, что именно, пока не начала рассказывать про еду. А потом я очень хотела остановиться, но не могла.

– И часто это с тобой бывает? – поинтересовался мистер Уэнтворт.

Нэн собралась было ответить возмущенным «нет», но тут вспомнила, что после обеда набросилась на Брайана с метлой и чувствовала при этом то же самое. И что очень и очень часто писала в дневнике совсем не то, что собиралась. Она снова поставила ногу на паркетину и поспешно отдернула ее.

– Ну, иногда, – сказала она тихо и виновато. – Иногда – ну, если злюсь на кого-нибудь – я пишу в дневнике что думаю.

– А анонимки учителям пишешь?

– Нет, конечно, – удивилась Нэн. – А почему вы спрашиваете?

– Кто-то из второго «игрек» написал записку мистеру Крестли, – объяснил мистер Уэнтворт. – В ней говорится, что в классе есть колдун.

Услышав, как он это сказал – очень серьезно и встревоженно, – Нэн наконец поняла, что случилось. Вот почему мистер Крестли произнес свою речь, а потом пошел к мистеру Уэнтворту. И они думают, что это Нэн написала записку.

– Но это нечестно! – закричала она. – По-вашему, я ведьма и я же записку написала?! Только потому, что меня зовут Дульсинея?

– Может быть, ты просто хотела отвести от себя подозрения, – заметил мистер Уэнтворт. – Если я задам тебе прямой вопрос...

– Я не ведьма! – отчеканила Нэн. – И не я написала записку! Наверняка это Тереза Муллетт или Саймон Силверсон! Они оба ябеды! Или Дэниел Смит, – добавила она.

– Дэн – это вряд ли, – задумчиво скривился мистер Уэнтворт. – По-моему, он и писать-то не умеет.

Ну вот, опять сарказм. Нэн подумала, что не стоило упоминать ни Терезу, ни Саймона. Ведь наверняка мистер Уэнтворт, как все, считает, что они-то и есть настоящий мальчик и настоящая девочка.

– Тут обвиняли, между прочим, *меня*, – горько сказала она.

– Ладно, я верю тебе на слово: записки ты не писала, – ответил мистер Уэнтворт. – А в следующий раз, если почувствуешь одержимость, сразу дыши глубже и считай до десяти, а то как бы чего не вышло. Понимаешь, тебе не повезло с именем. Я серьезно – будь очень осторожна. И как это твоих родителей угораздило назвать тебя Дульсинеей? Это что, в честь архиведьмы?

– Да, – кивнула Нэн. – Это моя прапрабабушка.

Мистер Уэнтворт присвистнул:

– И ты сирота из колдовской семьи, да? На твоём месте я бы никому об этом не рассказывал. Честно говоря, я восхищаюсь Дульсинеей Уилкс и ее борьбой за жизнь и права ведьм, но таких людей очень мало. Помалкивай, Нэн, и больше не описывай еду при лорде Мульке. А теперь иди.

Нэн почти ошупью выбралась из кабинета и кинулась вниз по лестнице. От обиды перед глазами все плыло, и она едва разбирала дорогу.

– За кого он меня принимает? – шептала она на бегу. – Лучше уж вести род от... от Аттилы³ или... или от Гая Фокса! Да от кого угодно!

Примерно в это же время мистер Тауэрс, стоявший у Чарлза над душой, пока тот продолжал бесплодные поиски шиповок в раздевалке, всласть зевнул и оставил Чарлза искать пропажу в одиночестве.

– Найдешь – принеси в учительскую, – велел он напоследок.

Чарлз присел на скамейку. Он был один среди красных шкафчиков и зеленых стен. Он поглядел исподлобья на болотно-зеленый пол, на три разрозненные футбольные бутсы, которые на его памяти неизменно валялись в углу. Взглянул на непонятные одежки, выцветавшие на крючках. Вдохнул запах пота и старых носков.

– Все ненавижу, – сказал он громко.

Он уже везде посмотрел. Дэн Смит умудрился запрятать шиповки в какое-то очень уж хитроумное место. Найти их не удастся, пока Дэн Смит сам не скажет, куда он их дел.

Чарлз скрипнул зубами и поднялся. «Ну и ладно. Пойду и спрошу у него», – решил он.

---

³ *Аттила* по прозвищу Бич Божий – царь гуннов, один из главных врагов Римской империи, объединивший под своими знаменами множество племен и завоевавший обширные территории от Балкан до Италии. После его смерти в 453 году царство его распалось. Аттила традиционно считается одним из величайших злодеев в истории.

Ни для кого не было тайной, что Дэн засел в кустах и подсматривает за старшеклассниками. Чарлз тоже прекрасно это знал – Дэн совершенно не стеснялся. Дядюшка прислал ему бинокль, и смотреть теперь было одно удовольствие, а кусты начинались за углом от раздевалки.

Чарлз подумал, что можно рискнуть и сбегать туда, даже если мистер Тауэрс вдруг вернется. Старшеклассники в кустах были куда опаснее.

Кусты очерчивала невидимая линия – вроде той, о которой писала Нэн и которая разделяла учеников второго «игрек». Если младшеклассник забредет в кусты, то любой старшеклассник, который его там застукает, имеет право его поколотить. «Но ведь Дэн тоже не старшеклассник, – думал Чарлз, отправляясь в свою экспедицию. – Может, обойдется».

Кусты – пышные вечнозеленые колючки – окружали пятачок сырой травы. Туфли Чарлза, едва подсохшие, снова промокли насквозь, пока он искал Дэна. Нашел он его быстро. Вечер был холодный, а трава совсем сырая, так что в укромном местечке прятались только две парочки старшеклассников, да и те стояли на самой утоптанной площадке – по обе стороны большого лавра. «Ага!» – подумал Чарлз. Он просунул голову между мокрыми блестящими ветками: Дэн сидел среди сухой листвы в самой середине куста.

– Дэн! – шепотом позвал Чарлз.

Дэн резко опустил бинокль и обернулся. Когда он увидел Чарлза, смотревшего на него из-за веток самым что ни на есть пакостным из своих двустольных взглядов, то едва не просиял от облегчения.

– Отвали, – прошипел он. – А ну, колдуй отсюда!

– Что ты сделал с моими шиповками? – спросил Чарлз.

– Ты что, шепотом не можешь? – прошептал Дэн. Он нервно глянул сквозь ветви на ближайшую парочку.

Чарлз тоже их видел. Это были высокий тощий парень и очень толстая девица – куда толще Нэн Пилигрим. Вряд ли они хоть что-то слышали. Чарлзу было видно, как пальцы тощего парня тонут в жире там, где он обхватил девицу. Чарлз и представить себе не мог, что кому-то нравится обнимать такую толстуху или даже смотреть на нее.

– Куда ты дел мои шиповки? – прошептал он.

Как только Дэн понял, что парочка их не слышит, ему стало на все наплевать.

– Забыл, – огрызнулся он. Тощий парень у куста нежно склонил голову к толстой девице. – Видал? – осклабился Дэн. – Породу смешивают. – Он снова поднес бинокль к глазам.

Чарлз заговорил чуть громче:

– Скажи, где шиповки, а то я заору, что ты подглядываешь!

– Тогда все поймут, что ты тоже тут! – сквозь зубы выдавил Дэн. – Не слышал, что ли? Я сказал – колдуй отсюда!

– Пока не скажешь – не уйду, – отрезал Чарлз.

Дэн повернулся к Чарлзу спиной.

– Достал, – буркнул он.

Чарлз понял, что выход только один: поднять шум и привлечь сюда старшеклассников. Пока он собирался с духом, из-за лавра показалась вторая парочка.

– Эй! – крикнул парень. – Там в кустах малявки! Сюю слышала, как они шепчутся!

– Ну мы их сейчас! – сказали тощий парень с толстой девицей, и все четверо нырнули в кусты.

Чарлз коротко вскрикнул от ужаса и бросился бежать. За спиной у него трещали ветки, шуршали листья, слышались топот, пыхтение и ругань старшеклассниц. Не пристало леди так ругаться! Чарлз надеялся, что Дэна поймали, но вместе с тем он был уверен, что Дэн улизнал. Чарлз оказался на виду, и старшеклассники бросились именно на него. Он рванул прочь от

кустов, а все четверо ринулись за ним по пятам. Прижав очки к переносице пальцем, Чарлз кинулся за угол школы.

Перед ним не было ничего, кроме открытого пространства и длинной стены. В сотне ярдов виднелась дверь начальной школы. Ближе была только открытая дверь раздевалки. Чарлз, не раздумывая, метнулся туда. И встал как вкопанный, осознав всю глупость подобного поступка. За углом слышался топот старшеклассников, а выйти из раздевалки можно было только через ту же дверь, в которую он только что вошел. Все, что Чарлз успел придумать, – это забиться за дверь и надеяться, что его не найдут. И вот он стоял, отчаянно вжимаясь в стену и вдыхая ароматы заношенных носков и плесени, а четыре пары ног остановились на пороге...

– Он где-то тут прячется, – пропыхтел голос толстой девицы.

– Нам туда нельзя. Это раздевалка для мальчиков, – сказала вторая девушка. – Идите и вытаскивайте его сюда.

Раздалось задыхающееся бурчание двух парней, и две пары башмаков загрохотали по полу. Тощий парень, судя по шагам, дошел до середины комнаты. Его голос гулко отдавался в бетонных стенах:

– Куда он делся-то?

– За дверью, наверное, сидит, – прогудел второй.

Дверь дернули... При виде второго старшеклассника Чарлз окаменел. Он был огромный. Он нависал над Чарлзом. У него даже было что-то вроде усов! Чарлз затрясся от ужаса.

Однако маленькие злобные глазки с неизмеримой высоты над усами посмотрели сквозь Чарлза, словно бы на стену и на пол. Обширное лицо скривилось от досады.

– Нету, – сказал старшеклассник. – Нету никого.

– Наверное, добежал до малышовой двери, – предположил тощий парень.

– Вот ведьминский колдуненок, – ругнулся второй.

И, к полнейшему изумлению Чарлза, оба они затопали из раздевалки. Девицы снаружи что-то раздраженно воскликнули, и все четверо пошли себе прочь. Чарлз так и остался стоять за дверью, дрожа, – и стоял еще долго. Он был уверен, что это они схитрили. Но прошло минут пять, а никто не вернулся. Настоящее чудо!

Чарлз на подгибающихся ногах добрал до середины раздевалки. Что за чудеса: здоровенный старшеклассник глядит сквозь тебя и ничего не видит? Теперь Чарлз точно знал, что так оно и было – и старшеклассник не прикидывался. Он действительно не видел Чарлза, стоявшего за дверью.

– Что это было, а? – спросил Чарлз у безмянных одежек на крюках. – Колдовство?

Он хотел задать этот вопрос насмешливо и горько, как говорят, когда уже махнули рукой на все. Но получилось иначе. Стоило Чарлзу произнести эти слова, и темное, страшное подозрение, незаметно, как предчувствие мигрени, копившееся где-то на задворках его головы, метнулось на передний план, словно мигрень в разгаре. Чарлза снова затрясло.

– Нет! – ахнул он. – Это не оно! Это что-то другое!!!

Но вышедшее на свет подозрение надо было прогнать. Сейчас же. Немедленно.

«Ладно, – решил Чарлз. – Я докажу. Я знаю, что надо делать. Все равно ненавижу Дэна Смита».

Он шагнул к шкафчику Дэна Смита и открыл его. Внутри лежала груда одежды и обуви. Чарлз обыскал этот шкафчик уже дважды. Он все шкафчики обыскал дважды. Его уже тошнило от шкафчиков! Он взял шиповки Дэна – правой рукой правую, а левой левую – и вернулся на середину комнаты.

– А ну, исчезните! – приказал он шиповкам. Он постучал друг о друга шипастыми подошвами, чтобы они лучше поняли. – Исчезните, – повторил он. – Абракадабра. – Ничего не случилось. Тогда он подбросил шиповки в воздух, чтобы им было сподручнее. – Шнель! – велел он.

Шиповки исчезли. Растаяли в воздухе, не успев коснуться болотно-зеленого пола.

Чарлз уставился в точку, где они только что были.

– Я не хотел... – в отчаянии всхлипнул он. – Вернитесь!

Ничего не случилось. Шиповки не появились.

– Ладно, хорошо, – скрипнул зубами Чарлз. – Именно этого я и хотел.

И он тихонько (едва ли не почтительно) вернулся к шкафчику Дэна и закрыл его. Никаких подозрений не осталось. Но уверенность, пришедшая на смену подозрениям, была столь чудовищно и невыносимо тяжела, что Чарлзу захотелось сжаться в комочек на полу. Он колдун. За ним будут гнаться, как за той ведьмой, поймают и сожгут, как того толстяка. Ужас какой! Чарлз очень, очень испугался – так испугался, что словно бы уже умер и лежал, холодный, тяжелый, почти не дыша.

Пытаясь собраться с мыслями, он снял очки и принялся их протирать. Только сейчас он заметил, что действительно лежит на полу у шкафчика Дэна, сжавшись в комочек. Он с трудом поднялся. Что же делать? Может, лучше всего разом с этим покончить, пойти прямо к мисс Кэдвалладер и во всем сознаться?

Это было бы ужасно глупо, но ничего другого Чарлз придумать не мог. Он двинулся к двери и выскользнул наружу, в холодный ветреный вечер. «А ведь я всегда знал, что я колдун, – подумал он. – И вот получил доказательства».

Та ведьма поцеловала его именно потому, что почувствовала в нем злую колдовскую силу. А теперь он вырос и стал таким злым, что придется его уничтожить. Что ж, он не чета другим колдунам и ведьмам, он не доставит инквизиторам ни малейших хлопот.

Как бы там ни было, от него, наверное, прямо разит колдовством – кто-то уже это заметил и написал записку. Нэн Пилигрим заявила, что это он вчера наколдовал тех птиц на музыке. Чарлз подумал, что, должно быть, сам не заметил, как это сделал, – как только что, когда старшеклассники его не увидели. А вот сильный он колдун или нет? Интересно, колдуны чем злее, тем сильнее? Наверное... Но что слабых, что могущественных – все равно жгут. Как раз успеют к осенним кострам. Хеллоуин на носу. Пока официально докажут, что он колдун, как раз настанет пятое ноября... И конец!

Он даже не знал, что на свете бывают такое отчаяние и такой страх.

Погруженный в свои думы, ничего не замечая от ужаса, Чарлз добрал до кабинета мисс Кэдвалладер. Он остановился под дверью и стал ждать – духу постучать в дверь у него не хватило. Шли минуты. Дверь открылась. При виде размытого прямоугольника яркого света Чарлз взял себя в руки.

– Ну что, не нашел? – спросил мистер Тауэрс.

Чарлз подпрыгнул. Хотя он ума не мог приложить, что тут делает мистер Тауэрс, но сумел ответить:

– Нет, сэр.

– Неудивительно! Ты ведь даже очки не надел! – хохотнул мистер Тауэрс.

Чарлз дрожащими руками нацепил очки. Они были ледяные. Наверное, он как снял их, чтобы протереть, так и держал в руке. Теперь он увидел, что стоит под дверью учительской, а вовсе не у кабинета мисс Кэдвалладер. Как это вышло? Но можно сознаться и мистеру Тауэрсу, необязательно идти к мисс Кэдвалладер...

– Сэр, я заслуживаю наказания. Я...

– А вот за это получишь черную галочку в классный журнал! – холодно перебил его мистер Тауэрс. – Не люблю, когда мальчики подлизываются! Вот что: или платишь за новую пару шиповок, или до конца семестра каждый вечер пишешь пятьсот строчек⁴. Завтра утром придеешь ко мне и скажешь, что решил. А сейчас убирайся!

---

⁴ В английской педагогике издавна было принято наказывать провинившихся школьников, заставляя их сотни раз писать одно и то же (обычно нравоучительную сентенцию типа «дурные мальчики, которые подкладывают учителям в портфель дох-

И он захлопнул дверь учительской у Чарлза перед носом. Чарлз тупо смотрел на нее: мистер Тауэрс поставил его перед очень неприятным выбором. И эта черная галочка... Но страх его немного притупился. Чарлз почувствовал, что у него запылали щеки. Ну и дурак же он! Никто не знает, что он колдун! Это подсказало ему чутье, потому-то он и пошел не к мисс Кэadwalладер, а в учительскую! Но он едва не признался мистеру Тауэрсу – и спасло его от этого только чудо, еще одно чудо! Нет уж, впредь надо быть поумнее. Нужно только помалкивать и не колдовать – и все будет в порядке. Отправляясь ужинать, он почти улыбался.

Но мысль о том, что он колдун, никак не желала его покидать. За ужином он все думал, думал и думал. Может, он все-таки не злой колдун? Вдруг все-таки можно что-нибудь сделать? Достаточно ли просто не колдовать? А вдруг есть такие места, где колдунов расколдовывают – ну, как одежду чистят в химчистке? А если таких мест нет и его все-таки обнаружат, есть ли смысл пускаться в бега? Куда бегут ведьмы, выйдя за калитку чужого сада? Должен же быть какой-то проторенный путь к спасению!

– Вот колдовство! – воскликнул кто-то у него за спиной. – Забыл учебник в игровой!

Чарлз подскочил и задрожал, как обеденный гонг, – а ведь это было всего-то слово...

– Не ругайся! – рявкнул дежурный. С дальнего конца стола послышался голосок Терезы Муллетт:

– Нэн, будь добра, сделай для нас что-нибудь чудесненькое-интересненькое! – Кажется, она не совсем шутила. – Ты же умеешь!

Чарлз снова подпрыгнул.

– Не умею, – отозвалась Нэн.

Но Тереза продолжала настаивать. Ее поддержала Делия Мартин:

– Нэн, гляди, какие чудесные бананы на столе директрисы! Скажи заклинание – пусть они перенесутся сюда!

– Нэн, хочу мороженого! Наколдуй порцию! – Нэн, а ты правда поклоняешься дьяволу? На каждую реплику Чарлз подпрыгивал и дрожал. Хотя он понимал, что, если все будут думать, будто Нэн Пилигрим – ведьма, это окажется ему только на руку, он едва сдерживался, чтобы не заорать на девчонок – пусть заткнутся! Он вздохнул с облегчением, лишь когда посреди ужина Нэн вскочила из-за стола и вылетела из столовой.

Нэн побежала в пустую библиотеку. Ну и пожалуйста, думала она. Если все равно уверены, что она преступница, что ж – можно будет взять и сделать наконец то, на что она раньше не отваживалась. Она взяла с полки том энциклопедии, чтобы посмотреть про Дульсинею Уилкс. Как это ни удивительно, толстенный том сразу распахнулся на нужной странице – похоже, что архиведьма в Ларвуд-Хаус интересовала многих. Значит, их постигло то же разочарование, что и Нэн: законы против ведьм и колдунов были столь строги, что о знаменитой прапрабабушке Нэн не полагалось знать практически ничего, статья была совсем короткая:

«УИЛКС, ДУЛЬСИНЕЯ. 1760–1790. Известная ведьма, носившая прозвание архиведьмы.

Р. Стипл-Бампстед, Эссекс. 1781 – перебралась в Лондон, где прославилась ночными полетами на метле над собором Св. Павла и зданием Парламента.

Метлы и по сей день иногда называют «По ни Дульсинеи». Стояла во главе Ведьмовского восстания в 1789. Вместе с другими предводителями восстания была арестована и сожжена. Предание гласит, что, когда она горела,

---

лых крыс, никогда не попадают в рай» или просто собственную фамилию) или переписывать какую-нибудь скучную книгу. Поэтому слово «строчки» для любого английского школьника в комментариях не нуждается. Об этом и анекдот есть с бородой как у Карабаса-Барабаса: двоих мальчиков оставляют после уроков с заданием тысячу раз написать собственные имя и фамилию. Один бодро принимается писать, а второй начинает тихо плакать. Первый спрашивает, в чем дело, а второй отвечает: «Тебе хорошо, тебя зовут Джон Грин, а вот меня – Бартоломею Холлингзуорт!»

кровля собора Св. Павла расплавилась и стекла по стенам наземь. До 1845 чучело Д. У. сжигали во время всех казней колдунов и ведьм, но затем эта практика была прекращена из-за высокой стоимости кровли собора».

Нэн вздохнула и поставила том на место. Когда прозвенел звонок, она прокралась в класс и принялась делать уроки. В Ларвуд-Хаус приготовление уроков называлось «губа» – никто не знал почему. Когда Нэн вошла в класс, все уже сидели там. Слышалось хлопанье тетрадей по голове Брайана Уэнтворта и его приглушенный визг. Но стоило Нэн появиться на пороге, как шум утих, потому что сразу за ней в класс вошел мистер Крестли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.